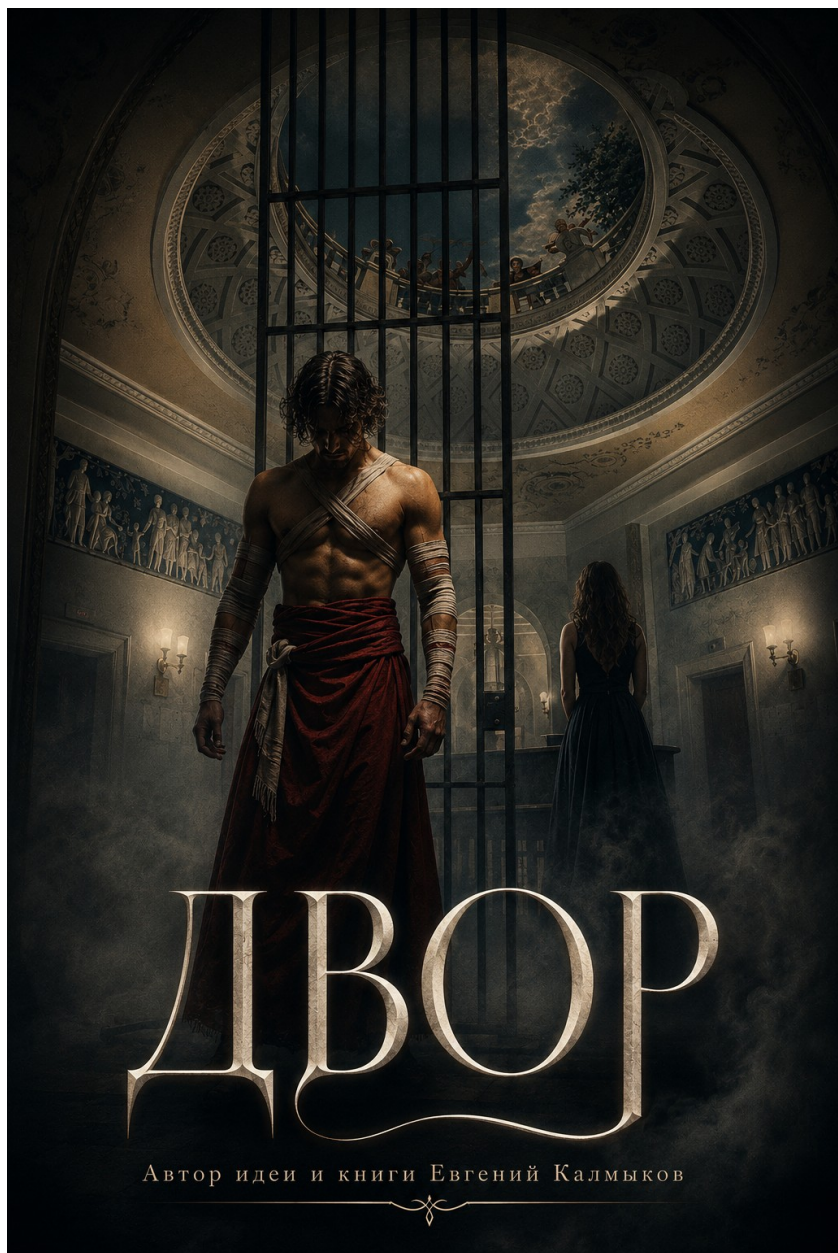

ДВОР

Полная литературная редакция

Автор идеи и исходной книги: Евгений Калмыков

*«Иногда один двор оказывается больше целого города,
потому что именно там человек впервые узнаёт, кто он».*

Содержание

Предисловие. О дворе, который помнит.....	6
Глава первая. Иллюзион.....	9
Глава вторая. Арка.....	15
Глава третья. Девочка с высоты.....	21
Глава четвёртая. Завтрак и голос.....	29
Глава пятая. Метод Хитча.....	34
Глава шестая. Музей, ревность и звонок.....	40
Глава седьмая. Крыша.....	45
Глава восьмая. Арест.....	50
Глава девятая. День рождения вне воли.....	54
Глава десятая. Ракитин.....	59
Глава одиннадцатая. Приговор.....	62
Глава двенадцатая. Разбитое сердце.....	65
Глава тринадцатая. Конкурс.....	67
Глава четырнадцатая. Фотограф.....	69
Глава пятнадцатая. Первая премия.....	72
Глава шестнадцатая. Клип.....	78
Глава семнадцатая. Этап.....	83
Глава восемнадцатая. Зона.....	85
Глава девятнадцатая. Медчасть.....	87
Глава двадцатая. Первый план.....	90
Глава двадцать первая. Первый провал.....	93
Глава двадцать вторая. Идея, форма и свет.....	95
Глава двадцать третья. Лучшая песня о любви.....	97
Глава двадцать четвёртая. Экран.....	101
Глава двадцать пятая. Не Марсель.....	107
Глава двадцать шестая. Белый фон.....	109
Глава двадцать седьмая. Удалёнка.....	112

Глава двадцать восьмая. Освобождение.....	114
Глава двадцать девятая. Закрытые двери.....	116
Глава тридцатая. Хамелеон теряет цвет.....	119
Глава тридцать первая. Fashion TV.....	124
Глава тридцать вторая. Номер.....	5

Предисловие. О дворе, который помнит

Есть города, в которых улицы только соединяют дома, и есть города, в которых улицы соединяют судьбы. Москва принадлежит ко вторым. Она умеет делать вид, будто всё в ней случайно: встреча на углу, крик у кинотеатра, чужая кровь на рукаве, девичий взгляд из-под светлых волос, песня, услышанная не вовремя. Но потом проходят годы, и человек понимает: случайным было только его незнание.

Эта история началась не с любви. Любовь редко приходит первой. Чаще перед ней появляется тревога, какая-то нелепая ошибка, неосторожный шаг, и только потом, когда уже нельзя повернуть назад, в сердцевине беды вдруг загорается свет. Так было и здесь.

Двор у высотки на Котельнической набережной был не просто двором. Для одних он был проходом от подъезда к арке, для других — местом, где курили, спорили, играли в настольный теннис, влюблялись, врали, клялись, ревновали и выросли быстрее, чем хотелось бы. У каждого большого города есть такие маленькие государства: несколько лавочек, теннисный стол, баскетбольное кольцо, две старушки у подъезда, вечная компания подростков и особый закон, который нигде не записан, но все его знают.

Двор не спрашивал паспортов. Он принимал тех, кто в нём оказался. Но он ничего не забывал. Он помнил, как в июньские сумерки туда вбежал парень с раненым плечом. Помнил, как девушка сняла с себя олимпийку и надела её на незнакомца. Помнил первый поцелуй, который сначала был маскировкой, а потом стал началом жизни. Помнил гитару, злость, предательство, кровь и песню, которую однажды услышал даже тот, кому казалось, что его уже никто не услышит.

В этой книге нет безупречных людей. Марсель не рыцарь из старинной баллады, хотя сам в тот вечер и поступил как безумный рыцарь. Александра не сказочная принцесса, хотя жила в квартире, похожей на декорацию чужой красивой жизни. Алексей не злодей с чёрной душой, а слабый человек, у которого ревность оказалась сильнее совести. Взрослые не чудовища, но слишком часто они пытались решить судьбы детей так, как решают деловые вопросы: тихо, быстро, без лишних свидетелей.

А любовь — любовь здесь тоже не гладкая. Она пришла быстро, почти неправдоподобно быстро, как летняя гроза: только что было светло, и вдруг всё небо разорвалось. Но иногда именно такие чувства, короткие и внезапные, становятся самыми долгими. Человек потом проживает годы, встречается других людей, меняет города, работу, внешность, голос, но в какой-то тихий вечер всё равно возвращается мысленно к одному двору, к одному окну, к одной фразе.

И если у этой истории есть главный смысл, то он прост: иногда человек становится собой не тогда, когда побеждает, а тогда, когда теряет. Марсель потерял свободу, чтобы понять цену жизни. Александра потеряла Марселя, чтобы найти свой голос. А двор, как всякий настоящий свидетель, молчал — и тем самым говорил больше всех.

Глава первая. Иллюзион

В июне 2005 года Москва пахла нагретым асфальтом, пылью, рекой и чужими деньгами. Вечерами город снимал с себя дневную усталость, зажигал окна в сталинских высотках, выпускал на бульвары девушек в лёгких платьях и мужчин, которые слишком уверенно держали ключи от дорогих машин. Москва умела притворяться доброй, особенно на закате.

У кинотеатра «Иллюзион» в тот вечер было тесно от машин, вспышек и людей, привыкших считать себя центром происходящего. Чёрные автомобили один за другим подъезжали к входу. Из них выходили женщины в платьях, мужчины в костюмах, журналисты ловили улыбки, фотографы щёлкали затворами, охрана смотрела поверх голов с той спокойной скукой, которая бывает только у людей, уверенных, что им всё разрешено.

Марсель Кокс стоял чуть в стороне, у края тротуара. Он не принадлежал к этому миру и даже не пытался притворяться. На нём была спортивная куртка, удобные кроссовки, в кармане лежал старенький телефон, а за поясом — пистолет, который он сам до конца считал не бедой, а трофеем. Когда-то он отобрал его у одного уличного хулигана и с той глупой беспечностью, которая в семнадцать лет кажется смелостью, носил при себе, словно это была железная игрушка для взрослых разговоров.

Он смотрел на светскую толпу с усмешкой. Не злой, а защитной. Так смотрят люди, которым хочется сказать, что им всё равно, хотя на самом деле им немного больно оттого, что есть миры, куда их никто не приглашал.

— Вот это кино, — пробормотал он себе под нос. — Даже билет покупать не надо.

Мимо прошли две девушки. Одна взглянула на него и улыbnулась. Марсель тут же выпрямился, будто его назначили главным героем вечера.

— Девушки, а простых смертных сюда пускают? — спросил он.

Они рассмеялись и исчезли в толпе. Марсель тоже улыбнулся. На секунду ему показалось, что вечер будет обычным: тёплым, красивым, немного смешным. Из таких вечеров потом остаётся только запах липы и ощущение, что молодость была бесконечной.

А потом из дверей кинотеатра донёсся женский крик.

Это был не кокетливый вскрик, не раздражённое замечание, не каприз светской дамы. Это был настоящий крик: короткий, злой, испуганный. Марсель обернулся.

Двое мужчин в чёрном вытаскивали из кинотеатра женщину. Она сопротивлялась, пыталась вырвать руку, волосы упали ей на лицо, платье зацепилось за ступеньку, но один из охранников дёрнул её так грубо, что она едва не упала.

— Отпустите меня! — крикнула она. — Вы не имеете права!

Именно в эту секунду Марселя поразило не насилие, а молчание. Люди видели всё. Фотограф опустил камеру. Женщина в бриллиантах отвернулась. Мужчина с сигарой сделал вид, что проверяет телефон. Один журналист даже шагнул назад, чтобы не оказаться слишком близко к неприятности.

У чёрного Rolls-Royce стоял высокий мужчина. Его лицо оставалось спокойным. Он не кричал, не суетился, не отдавал резких приказов. Он просто смотрел, как охранники тащат женщину, и в этом спокойствии было больше угрозы, чем в любом крике.

Марсель сделал шаг вперёд.

— Эй! — крикнул он. — Мужики!

Один из охранников обернулся. На лице его было выражение человека, которому помешала муха.

— Иди отсюда, мальчик.

Марсель почувствовал, как внутри что-то щёлкнуло. Он мог уйти. Должен был уйти. Любой разумный человек ушёл бы. Но разум не всегда поспевает за сердцем, особенно если сердцу семнадцать лет.

— Отпустили женщину, — сказал он.

Охранник усмехнулся.

— Ты герой, что ли?

Марсель хотел ответить легко, дерзко, красиво. Но горло пересохло. Он видел глаза женщины. В них было не только возмущение, но и страх. И ещё — унижение, которое почему-то показалось ему невыносимым.

Он достал пистолет.

Толпа отшатнулась. Сам Марсель тоже испугался — не людей, а того, как быстро всё стало настоящим. Рука дрожала. Мужчина у Rolls-Royce впервые изменился в лице.

— Ты кто такой? — спросил он холодно.

— Отпустите её, — произнёс Марсель уже тише.

— Положи ствол, щенок, — сказал охранник.

Марсель поднял руку вверх и нажал на спуск.

Выстрел разорвал вечер. Люди закричали. Вспышки фотоаппаратов превратились в нервный хаос. Кто-то пригнулся, кто-то бросился к машине, кто-то упал на асфальт. Марсель сам посмотрел на пистолет так, будто тот ожил в его руке.

— Вот чёрт, — прошептал он.

Охранники бросили женщину. Один достал оружие. Второй рванулся в сторону Марселя. Парень сделал шаг назад, почти поскользнулся и снова выстрелил вверх, больше от паники, чем от решимости.

Ответный выстрел ударил его в плечо.

Боль пришла не сразу. Сначала он ощутил сильный толчок, будто кто-то ударил его раскалённым кулаком. Потом левая рука обмякла, мир качнулся, а вокруг стало слишком много звуков: крики, визг шин, чей-то плач, отрывистые команды.

И вдруг прозвучали два коротких хлопка. Не рядом. Не из его пистолета. Откуда-то сверху, издалека.

Один охранник упал. Второй упал почти одновременно.

На секунду Москва умолкла.

Марсель смотрел на тела, на пистолет, на кровь, проступающую через ткань куртки. Его разум, ещё не умеющий отличать правду от ужаса, вынес приговор мгновенно: это сделал он.

— Я не хотел, — сказал он. — Я... я не хотел.

Мужчина у Rolls-Royce резко сел в машину. Двигатель взревел. Автомобиль сорвался с места, оставив за собой запах бензина и дорогого страха.

Женщина стояла посреди тротуара, белая, как само платье. Она смотрела на Марселя и, кажется, понимала: этот мальчишка не убийца. Он сам не знает, во что попал.

Вдалеке завывала сирена.

Марсель попятился. Женщина сделала шаг к нему.

— Подожди!

Но он уже бежал.

Глава вторая. Арка

Бег раненого человека похож не на бег, а на спор тела с волей. Тело просит остановиться, сесть, зажать рану, дышать. Воля кричит, что остановка — это конец. Марсель не думал словами. Он летел через улицы, переулки и арки, как загнанное животное, и только иногда в голове вспыхивала одна короткая мысль: «Я убил».

Он держал левое плечо правой рукой. Кровь была горячей, липкой, невероятно настоящей. Ещё полчаса назад его тревожили только чужие дорогие машины и собственные глупые шутки. Теперь весь мир сузился до нескольких вещей: боль, сирена, дыхание, пистолет за поясом и страшная уверенность, что прежняя жизнь закончилась.

— Стоять! — крикнул кто-то позади.

Марсель даже не обернулся. Он свернул в арку, не выбирая дороги, и вдруг оказался в другом мире.

Двор высотки на Котельнической набережной жил своей обычной июньской жизнью. Здесь ещё не знали о трупах у кинотеатра, о сиренах, о женщине в белом платье, о чёрном Rolls-Royce. Здесь пахло пылью, листвой, дешёвой газировкой и тёплым железом теннисного стола. У баскетбольного кольца двое ребят спорили, был ли бросок честным. На лавочке девчонки смеялись над чем-то своим. У зелёного теннисного стола стоял высокий кудрявый парень с гитарой и пел так громко, будто весь двор был обязан признать его талант.

Этот парень был Алексей Мазепин. Он был красив тем дворовым способом, который особенно ценится в семнадцать лет: высокий рост, уверенная улыбка, кудри, гитара, умение смотреть на девушек так, будто каждая песня написана именно для них. Он привык быть центром компании и не любил, когда центр смещался.

Рядом, чуть в стороне от всех, сидела Александра Демидова. Светлые волосы падали на плечи, взгляд был внимательным и немного отстранённым. Она была частью двора и одновременно не совсем его частью. Все знали, что она живёт в той самой квартире, где высокие потолки, картины и родители, чьи имена взрослые произносили тише обычного. Но во дворе эти сведения значили меньше, чем её умение спокойно поставить на место любого, кто начинал вести себя слишком уверенно.

Алексей закончил песню и поклонился.

— Спасибо, спасибо, — сказал он. — Автографы после концерта.

— Тебе бы скромности, — заметила одна из девчонок.

— Скромность для тех, у кого гитары нет, — ответил Алексей.

Ребята засмеялись.

В эту секунду в арку влетел Марсель.

Он остановился у теннисного стола, будто двор оказался стеной. Лицо бледное, глаза бешеные, плечо в крови. Несколько секунд все просто смотрели на него. Так смотрят на человека, который явился из чужого кошмара прямо в твою обычную жизнь.

— Воды... есть? — выдохнул Марсель.

— Опа, — сказал кто-то. — Новый уровень вечеринки.

Алексей нахмурился.

— Ты кто вообще?

Марсель попытался улыбнуться.

— Турист. Заблудился.

— С дыркой в плече?

— Москва гостеприимная.

Сирена стала ближе. Этот звук понял каждый. Во дворе наступила та тишина, которая бывает перед грозой или дракой.

Александра поднялась первой. Она не бросилась, не вскрикнула, не стала задавать глупых вопросов. Она подошла к Марселю и посмотрела на его плечо.

— Это кровь?

— Клубничный сироп, — ответил он. — Просто налили агрессивно.

Губы его побелели. Он держался на одной дерзости, но дерзость уже кончалась.

Александра быстро сняла свою олимпийку.

— Надень.

— Что?

— Надень, говорю. Быстро.

— Мы даже не знакомы.

— Сейчас познакомимся в отделении, если будешь спорить.

Он хотел ответить, но не успел. Она сама помогла ему просунуть руку в рукав. Марсель зашипел от боли.

— Терпи, — сказала она.

— Командуешь?

— Спасая. Разницу потом объясню.

Во двор вошли двое милиционеров. Один старше, плотный, с усталым лицом. Второй моложе, нервный, с фонариком в руке. Старший оглядел площадку.

— Раненый парень сюда не забегал?

Все молчали.

Фонарик скользнул по лицам, по гитаре Алексея, по теннисному столу, по Марселю. Александра заметила, что Марсель сейчас выдаст себя: боль стала сильнее, дыхание сбилось, взгляд стекленел.

Она сделала единственное, что пришло ей в голову.

Шагнула к нему ближе, схватила за ворот олимпийки и поцеловала.

Марсель замер. Это был первый поцелуй в его жизни, от которого зависела не романтика, а свобода. Потом он понял и обнял её здоровой рукой. Фонарик задержался на них.

— Тут вроде заняты, — неловко сказал младший милиционер.

Старший прищурился.

— Раненого не видели?

Александра медленно отстранилась, но Марселя не отпустила.

— Мы, как видите, были заняты.

Кто-то из ребят нервно прыснул. Алексей не смеялся. Он смотрел на руку Марселя у талии Александры, и в этом взгляде уже зарождалось то маленькое тёмное чувство, которое позже станет большой бедой.

Милиционеры ушли в сторону набережной, получив что-то по рации. Двор выдохнул.

Марсель отступил на полшага.

— Ты меня только что спасла.

— Ты сначала не умри, — сказала Александра. — Потом будешь благодарить.

Ноги у него подкосились. Она подхватила его под здоровую руку.

— Ко мне. Быстро.

— Ты всегда так знакомишься?

— Только с теми, кто истекает кровью. Так романтичнее.

Они пошли к подъезду. Алексей остался у теннисного стола с гитарой в руках. Впервые за вечер он не знал, какую песню играть.

Глава третья. Девочка с высоты

Лифт в сталинской высотке поднимался медленно, с достоинством старого чиновника. Марсель стоял, прислонившись к зеркальной стенке, и видел в отражении человека, которого не узнавал. Бледное лицо, чужая олимпийка, кровь на рукаве, глаза слишком взрослые для семнадцати лет.

Александра стояла рядом и делала вид, что не боится. У неё это почти получалось.

— Тебя как зовут? — спросила она.

— Марсель.

— Серьёзно?

— А что, похож на Геннадия?

Она неожиданно улыбнулась. Эта улыбка была маленькой, но для Марселя она прозвучала громче сирены.

— Я Александра.

— Саша?

— Для своих.

— А я кто?

— Пока проблема.

— Приятно познакомиться. Марсель Проблема.

Она отвернулась, чтобы он не увидел, что ей снова хочется улыбнуться. Но через секунду лифт дёрнулся, боль пронзила плечо, и Марсель тихо выругался.

— Потерпи, — сказала Александра уже мягче.

— Я терплю. Просто артистично.

— Ты всегда так много говоришь, когда тебе больно?

Он посмотрел на неё. Впервые без шутки.

— Когда страшно.

Лифт остановился. Александра открыла дверь квартиры, и Марсель сделал шаг в пространство, которое показалось ему не жильём, а другой страной. Высокие потолки, лепнина, мягкий свет, картины, книги, пианино, тишина. Даже воздух здесь был другой — не подъездный, не дворовый, не городской, а какой-то бережный, будто его специально процеживали через дорогие шторы.

— Ничего себе, — сказал он.

— Что?

— Я думал, такие квартиры только в журналах бывают.

— Проходи.

— Я кровью накапаю.

— Уже накапал. Поздно быть воспитанным.

Она провела его в гостиную. Марсель сел на самый край дивана, стараясь занимать как можно меньше места, будто боялся испортить своим присутствием эту комнату. На стене висела репродукция Анри Руссо «Сон»: женщина на кровати среди тропического леса, звери, листья, странная тишина, невозможная и убедительная одновременно.

— Снимай куртку, — сказала Александра, возвращаясь с аптечкой.

— Уже командуешь?

— Ты у меня в квартире, раненый и с непонятной историей. Да, команду.

Он хотел пошутить, но рукав прилип к ране. Когда Александра помогла снять олимпийку, он побледнел так резко, что она сама испугалась.

— Только не падай, — сказала она.

— А если красиво?

— Всё равно не падай. Пол жалко.

Рана оказалась не смертельной, но неприятной. Пуля прошла по касательной, разорвав ткань и кожу. Александра обрабатывала её осторожно, губы её были плотно сжаты. Она делала всё правильно, хотя руки чуть дрожали.

— Ты побледнела, — заметил Марсель.

— Это свет такой.

— Свет тоже испугался?

— Помолчи.

Он послушался. Несколько минут слышно было только её дыхание, шорох бинта и далёкий шум города за окнами.

— Что случилось у кинотеатра? — спросила она наконец.

Марсель долго молчал. Он понимал, что любой ответ сделает всё окончательным.

— Женщину тащили, — сказал он. — Я подумал, что надо помочь.

— С пистолетом?

— Я хотел напугать.

— Получилось?

Он горько усмехнулся.

— Слишком.

Александра закрепила бинт. Он опустил глаза.

— Там двое упали. Я стрелял в воздух, потом они в меня, потом всё перемешалось. Я не знаю, как так получилось. Я не хотел.

Последние слова прозвучали по-детски. Без дерзости, без бравады. Просто мальчик, который заглянул туда, куда ему ещё рано было заглядывать.

Александра села напротив него.

— Ты не похож на убийцу.

— А как они выглядят?

— Не знаю. Но не так глупо.

Марсель впервые за весь вечер по-настоящему улыбнулся.

В этот момент на столе завибрировал телефон Александры.

Экран вспыхнул мягким светом, и Марсель машинально посмотрел туда, хотя сразу понял, что смотреть в чужой телефон нехорошо. Но взгляд уже успел зацепиться за фотографию.

На экране была женщина.

Та самая.

Белое платье, светлое лицо, глаза, в которых у кинотеатра смешались гнев и страх. Женщина, которую тащили охранники. Женщина, ради которой он вытащил пистолет и выстрелил в воздух.

Под фотографией светилось короткое слово: «Мама».

Марсель почувствовал, как у него внутри всё похолодело.

— Не бери, — сказала Александра, взглянув на экран и быстро сбросив звонок. — Потом перезвоню.

— Это... твоя мама? — спросил он слишком тихо.

— Да. А что?

Он хотел сказать: «Я видел её». Хотел спросить: «Это она была у кинотеатра?» Но слова застряли. Слишком много всего могло рухнуть от одного вопроса.

Телефон завибрировал снова.

Александра раздражённо выдохнула. На экране появилась другая фотография: мужчина в строгом костюме, холодный взгляд, дорогая уверенность в лице. Марсель узнал его сразу. Чёрный Rolls-Royce. Голос, похожий на приказ. Человек, который смотрел, как женщину тащат к машине.

Под фотографией было написано: «Папа».

Марсель отвёл взгляд.

В квартире вдруг стало тесно. Высокие потолки, картины, мягкий свет — всё осталось на месте, но теперь за этой красотой проступила другая реальность: не сказочная, не безопасная, а связанная с тем самым вечером у «Иллюзиона», с выстрелами, кровью и двумя телами на асфальте.

— Что с тобой? — спросила Александра.

— Ничего, — сказал Марсель.

Он соврал плохо. Но Александра, кажется, решила не давить.

Она не знала, что её дом только что перестал быть для него убежищем и стал частью тайны.

Позднее она принесла чай. Он держал чашку одной рукой и всё ещё косился на картину.

— Почему у тебя кровать в джунглях? — спросил он.

— Это не у меня. Это Руссо. Картина называется «Сон».

— Удобно. Можно объяснить любую странность.

— Во сне можно всё, — сказала Александра. — Человек лежит в одной комнате, а его душа оказывается в другой стране.

Марсель посмотрел на картину внимательнее.

— Я бы сейчас выбрал сон, где ничего сегодня не было.

— А я бы выбрала сон, где ты не истекаешь кровью на моём диване.

— Романтично.

Она не ответила. Села в кресло, подтянула ноги, посмотрела на него. В этом взгляде было любопытство и тревога. Он был для неё пришельцем из мира, который обычно существовал где-то внизу, за аркой, у теннисного стола, в шуме и смехе. Но теперь этот мир сидел у неё в гостиной, держал чашку и пытался шутить, чтобы не расплакаться.

— Тебе надо поспать, — сказала она.

— А тебе не надо было приводить домой незнакомца.

— Уже поздно обсуждать мои ошибки.

— Ошибки бывают красивые.

Она опустила глаза. И в эту секунду между ними впервые появилось что-то, чего они оба испугались сильнее милиции.

Ночью Марсель почти не спал. Ему снились выстрелы, крик женщины, лица охранников, и каждый раз он просыпался с мыслью, что должен уйти, пока не разрушил жизнь этой девочки окончательно. Но за дверью было тихо, за окнами светилась Москва, а на стене женщина из «Сна» продолжала лежать среди невозможных джунглей, будто знала: иногда чужой сон начинается там, где заканчивается твоя прежняя реальность.

Глава четвёртая. Завтрак и голос

Утром квартира показалась Марселю ещё более странной. Ночью в ней было убежище, почти тайник. При дневном свете она стала домом, а дом — это всегда опаснее тайника, потому что в нём хочется остаться.

Солнечный луч проник сквозь тяжёлые шторы и лёг на край дивана. Марсель проснулся от боли в плече и от запаха еды. Несколько секунд он не мог понять, где находится. Потом увидел картину, люстру, высокий потолок — и вспомнил всё.

«Я убил», — сказала память.

«Ты жив», — ответил солнечный луч.

На кухне что-то упало. Потом послышался тихий возглас Александры. Марсель поднялся, морщась, и дошёл до дверей.

Она стояла у плиты с таким сосредоточенным видом, будто готовила не омлет, а решала судьбу государства. На столе уже были тарелки, хлеб, сырники, варенье, кофе. Всё выглядело немного неровно, но трогательно.

— Пахнет так, будто меня решили добить, — сказал Марсель.

Она обернулась.

— Это завтрак.

— Я так и сказал.

Она бросила в него полотенце. Он поймал здоровой рукой.

— Садись, герой.

— Я не герой.

— Тогда садись, проблема.

Он сел. Ему было неловко от заботы. В его жизни забота чаще была случайной, грубоватой: кто-то дал куртку, кто-то занял денег, кто-то прикрыл перед взрослыми. Здесь же забота была аккуратной. Она пахла кофе и домашним вареньем, стояла на белой тарелке и смотрела на него зелёными глазами Александры.

Он попробовал сырник.

— Слушай...

— Что?

— Это лучший завтрак в моей жизни.

— Ты просто вчера потерял кровь.

— Возможно. Но сырники всё равно великие.

Александра покраснела. Ей нравились комплименты, но не те, к которым она привыкла. В её мире говорили «прекрасно», «изысканно», «достойно», «очень мило». Марсель говорил просто, будто каждое слово выходило прямо из него, без разрешения воспитания.

После завтрака он снова подошёл к картине Руссо.

— Ты правда всё это понимаешь? — спросил он.

— Что именно?

— Картины. Музыку. Эти все... джунгли на кровати.

— Не всё. Но мне нравится пытаться.

— А меня в музее обычно тянет спросить, где тут выход.

— Значит, я тебя когда-нибудь свожу.

— Зачем тебе такое наказание?

— Интересно посмотреть, как ты будешь страдать среди искусства.

Он рассмеялся, но тут же поморщился от боли.

— У тебя пианино? — спросил он, чтобы сменить тему.

— Да.

— И ты играешь?

— Немного.

— А поёшь?

Александра замолчала. Вокруг её голоса было слишком много взрослых ожиданий: преподаватели, мать, конкурсы, осторожные похвалы, строгие замечания, страх, что она окажется не такой талантливой, как все надеются. Петь перед Марселем было почему-то страшнее, чем перед педагогом. Перед педагогом можно ошибиться в ноте. Перед Марселем — в себе.

— Иногда, — сказала она.

— Спой.

— Просто так?

— А надо заявление писать?

Она посмотрела на него с притворным возмущением, но пошла к пианино. Села. Пальцы сначала легли на клавиши неуверенно. Потом мелодия выстроилась, и комната изменилась.

Марсель не знал, как описывать музыку. Он не знал правильных слов: тембр, дыхание, интонация, опора. Он знал только, что голос Александры вдруг сделал воздух прозрачнее. Всё страшное, случившееся вчера, не исчезло, но отступило на несколько шагов. Её голос был не громким, не демонстративным, не сценическим в привычном смысле. Он был живым. В нём было то, что невозможно выучить: необходимость.

Когда она закончила, в комнате стало очень тихо.

— Ну? — спросила она, не поднимая глаз.

— Подожди.

— Что?

— Я слова ищу.

— Так плохо?

— Нет. Просто я не знал, что так бывает.

Она посмотрела на него.

— Как?

— Когда человек поёт — и тебе хочется жить.

Эта фраза оказалась для неё важнее любых похвал. Может быть, потому что Марсель не умел льстить красиво. Он мог преувеличивать, шутить, позировать, но в такие секунды говорил правду.

— Ты правда так думаешь? — тихо спросила она.

— Я вчера думал, что жизнь кончилась. А сейчас ты спела, и я подумал: может, нет.

Александра отвернулась к окну. Ей вдруг захотелось плакать, хотя ничего плохого в этот момент не произошло.

Внизу, во дворе, Алексей Мазепин сидел у теннисного стола с гитарой и смотрел на окна. Он не слышал песни, но видел силуэты. Видел, как Марсель стоит рядом с Александрой. Видел, как она смеётся.

Иногда ревность рождается не от того, что человек потерял любовь. Иногда она рождается от унижительного понимания: любви у него никогда и не было.

Глава пятая. Метод Хитча

На следующий день Марсель несколько раз собирался уйти. Он доходил до прихожей, смотрел на дверь, вспоминал милицию и возвращался в гостиную под предлогом, что ему надо допить чай, поправить бинт или ещё раз взглянуть на картину, которая, как он уверял, начинала ему «подозрительно нравиться».

Александра делала вид, что не замечает его нерешительности. На самом деле она боялась того же: если он уйдёт, всё случившееся превратится в страшный эпизод, в историю, которую потом будут рассказывать шёпотом. А если останется — опасность станет ближе, зато и жизнь станет настоящей.

— Пойдём в кино, — сказала она неожиданно.

Марсель поднял глаза.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— Меня, возможно, ищет милиция.

— Тогда надо вести себя естественно.

— Естественно для меня — это не ходить в кино после перестрелки.

— Будет новый опыт.

Он посмотрел на неё и вдруг понял: она тоже боится, только иначе. Её страху нужно было движение, свет, люди, обычность. Если они сейчас останутся в квартире, стены начнут сжиматься.

Так они снова оказались у «Иллюзиона», но уже в другой день, среди обычной публики. Марсель шёл осторожно, всё время оглядывался. Александра взяла его под руку.

— Расслабься.

— Я расслаблен.

— Ты выглядишь так, будто собираешься ограбить буфет.

— А там дорогого?

— Марсель.

— Всё, молчу.

Фильм был лёгкий, американский, смешной. «Правила съёма: Метод Хитча». В зале пахло попкорном и духами, люди смеялись, кто-то шептался, кто-то хрустел чипсами. Марсель сперва сидел напряжённо, но постепенно история на экране увлекла его. Он комментировал героев слишком громко, пытался предсказывать сюжет и один раз так искренне возмутился глупости главного героя, что Александра закрыла лицо рукой от смеха.

— Тише, — шепнула она.

— Так он же всё неправильно делает.

— Ты специалист?

— Уже почти. Я сегодня изучаю.

— Для кого?

Он повернулся к ней.

— Для одной опасной девушки.

Она хотела ответить насмешливо, но не смогла. В темноте кинозала его лицо казалось мягче. Без дворовой бравады, без уличной дерзости. Просто парень, который вчера мог погибнуть, а сегодня пытается научиться ухаживать по американской комедии.

После фильма они долго гуляли по набережной. Вечер был тёплый, река блестела, кораблики медленно шли по воде, а город выглядел так, будто никогда никому не причинял зла.

— Ты правда хочешь стать певицей? — спросил Марсель.

— Не знаю. Иногда хочу. Иногда боюсь.

— Чего?

— Что не получится. Что я выйду на сцену, а там все поймут, что я просто девочка из хорошей квартиры, которая решила, что у неё есть талант.

Марсель остановился.

— Саш, когда ты поёшь, не думаешь про квартиру. Я вот не думал.

— А про что думал?

— Что если тебя когда-нибудь услышат много людей, им станет легче. Не всем, конечно. Дуракам не поможет.

Она рассмеялась.

— Ты умеешь делать комплименты странно.

— Зато честно.

Они шли дальше. Он рассказал ей, что мечтает научиться фотографировать. Не просто щёлкать друзей во дворе, а ловить моменты так, чтобы человек на снимке становился чуть более настоящим.

— У меня есть камера, — сказала Александра. — Научу.

— Меня? Ты смелая.

— Я уже заметила.

У подъезда высотки их ждал Алексей. Он сидел на лавочке с гитарой, но не играл. В его позе была небрежность, а в глазах — тяжёлая обида.

— Романтика? — спросил он.

— Привет, Лёша, — спокойно сказала Александра.

— Я смотрю, у нас во дворе новые герои появляются и сразу в кино водят.

Марсель улыбнулся.

— Завидуешь?

— Тебе? — Алексей поднялся. Он был выше Марселя почти на голову. — Не смеши.

Александра встала между ними.

— Лёша, не начинай.

— А я ещё не начинал.

Марсель почувствовал, как болит плечо. Драться он сейчас не мог. Да и не хотел. Но отступить при Александре было тяжело.

— Тогда и не надо, — сказал он.

Алексей посмотрел на него долгим взглядом, затем на Александру.

— Ты его совсем не знаешь.

— А ты меня, кажется, тоже, — ответила она.

Эта фраза ударила сильнее, чем Марсель ожидал. Алексей улыбнулся, но улыбка вышла кривой.

— Ладно. Посмотрим.

Он ушёл, задев плечом Марселя. Тот стиснул зубы, но промолчал.

— Не обращай внимания, — сказала Александра.

— Он в тебя влюблён.

— Он влюблён в то, что я должна быть влюблена в него.

Марсель посмотрел ей вслед, когда она открывала дверь подъезда, и понял: эта девочка видит людей точнее, чем он думал. А люди, которые видят точно, редко бывают по-настоящему защищены.

Глава шестая. Музей, ревность и звонок

Двор на следующий день встретил их шумом и солнцем. Казалось, вчерашнего напряжения не было. Дети гоняли мяч, кто-то сушил ковёр на перилах, бабушка у подъезда обсуждала цены на черешню, а теннисный стол снова стал столицей маленького государства.

Александра предложила сыграть. Марсель взял ракетку здоровой рукой и сразу заявил:

— Предупреждаю: я раненый спортсмен. Победишь — славы не будет.

— А проиграешь — оправданий тоже, — ответила она.

Игра началась легко, смешно, с промахов и подколов. Ребята вокруг мгновенно превратились в комментаторов.

— Демидова давит!

— Кокс держится на морально-волевых!

— Мазепин, принимай ставки!

Алексей сидел на лавочке и делал вид, что ему всё равно. Но каждый смех Александры, обращённый к Марселю, попадал в него как маленький камень.

Марсель сначала поддавался. Александра заметила это почти сразу.

— Ты думаешь, если я девочка, мне надо проигрывать красиво?

— Нет. Я думаю, если ты выиграешь, ты будешь счастливая.

— А если честно выиграю?

— Тогда я буду унижен, но горд.

Она подала так резко, что он не успел среагировать. Мяч отскочил от края стола.

— Вот теперь честно, — сказала она.

После игры они ушли в музей. Марсель по дороге уверял, что в Пушкинском его, возможно, примут за искусствоведа, потому что у него «лицо человека, который всё понял, но молчит». Александра сказала, что у него лицо человека, который перепутает Моне с меню.

В залах музея он действительно терялся. Высокие стены, полотна, тишина, люди, говорящие вполголоса. Александра оживилась. Она рассказывала ему о цвете, форме, линии, о том, как художник видит предмет не так, как обычный человек.

— Смотри, — сказала она у картины кубистов. — Здесь предмет показан сразу с разных сторон.

Марсель нахмурился.

— То есть если я тебя так сфотографирую, ты не обидишься?

— Если как Пикассо — подумаю.

— Я чувствую, мне надо начать с чего-то попроще.

— С честного взгляда начни.

Эти слова ему запомнились. Честный взгляд. Он не знал, что это такое технически, но почувствовал: возможно, вся фотография начинается не с камеры, а с того, что ты не врешь себе, когда смотришь.

Вечером, когда они вернулись во двор, Алексей уже был пьян. Не до беспамятства, а до той неприятной смелости, когда человек ещё контролирует ноги, но уже не контролирует обиду.

Он вышел им навстречу из тени у арки.

— Саша, — сказал он хрипло. — Нам надо поговорить.

— Не сейчас, Лёша.

— Всегда не сейчас. С ним — сейчас, в кино — сейчас, в музей — сейчас. А со мной не сейчас.

Марсель шагнул вперёд.

— Иди домой.

Алексей рассмеялся.

— Ты мне будешь говорить, куда идти? Ты кто такой вообще? Появился с кровью, поцеловался, и всё — герой?

— Я не герой.

— Конечно, не герой. Ты неприятность.

Он сделал шаг к Александре. Она отступила. Марсель встал между ними.

— Ещё шаг — и разговор закончится, — сказал он.

Алексей был сильнее. Трезвый Марсель, возможно, ещё мог бы уйти от драки, найти слово, повернуть ситуацию в шутку. Но плечо горело, силы было мало, а страх за Александру снова вытолкнул разум в сторону.

Он достал пистолет.

Двор замер. Даже пьяный Алексей протрезвел глазами.

— Не подходи, — сказал Марсель. — Просто не подходи.

Александра побледнела.

— Марсель, убери.

Он медленно опустил руку, но оружие оставалось в пальцах. Алексей отступил, сплюнул на асфальт.

— Псих, — сказал он. — Вы оба психи.

Он ушёл, но не домой. Он дошёл до соседнего двора, сел на бордюр и долго смотрел на телефон. Унижение внутри него было таким горячим, что казалось справедливостью. Он убеждал себя, что поступает правильно. Что спасает Александру. Что такой парень с пистолетом опасен. Что если он позвонит, виноват будет не он, а Марсель.

Пальцы набрали номер.

— Алло, милиция? — сказал Алексей, и голос его дрогнул только на первом слове. — Я хочу сообщить. У нас во дворе скрывается парень. Несовершеннолетний. С оружием.

Когда он закончил звонок, ему уже не стало легче. Но некоторые поступки похожи на выстрел: после них нельзя вернуть пулю обратно.

Глава седьмая. Крыша

На крышу Александра повела Марселя вечером. Он сначала сказал, что высоты не боится, просто уважает гравитацию. Она засмеялась и не стала спорить.

Крыша высотки открывала Москву так, как её редко видят снизу. Город лежал вокруг огромный, тёплый, живой. Река блестела внизу, мосты загорались один за другим, машины ползли светящимися цепочками, а небо медленно переходило от золотого к синему.

Марсель стоял у ограждения и молчал. Внизу оставались двор, милиция, Алексей, пистолет, страх. Здесь всё это казалось меньше, но не исчезало. Просто у беды тоже есть масштаб: снизу она давит, сверху становится частью города.

Александра достала камеру.

— Будем учиться.

— Я думал, мы романтично смотрим на закат.

— Одно другому не мешает.

— Ты строгий педагог?

— Очень. За плохие кадры буду ставить двойки.

Она показала ему, как держать камеру, как смотреть в видоискатель, как ловить свет. Марсель сначала шутил, но быстро замолчал. Камера в руках неожиданно дала ему чувство контроля. В ней мир становился прямоугольником, в котором можно было выбрать главное.

Он сфотографировал Александру у края крыши. Ветер тронул её волосы, свет заката лёг на лицо, а в глазах было что-то такое, от чего он забыл нажать на кнопку.

— Снимай уже, — сказала она.

— Подожди. Я запоминаю.

— Так фотоаппарат для этого и нужен.

— Нет. Он для тех, кто боится забыть. А я сейчас не боюсь.

Она отвернулась, но улыбнулась.

Потом они поставили камеру на таймер и сделали общий снимок. На фотографии они стояли чуть неловко: он берег плечо, она пыталась не показать смущение. Но именно поэтому кадр получился живым. Не красивым в журнальном смысле, а настоящим.

Когда стемнело, Александра показала телескоп. Марсель долго настраивал его, притворяясь специалистом, пока она не отодвинула его локтем.

— Дай сюда, астроном.

— Я почти поймал Луну.

— Ты поймал соседнюю антенну.

В конце концов Луна появилась в окуляре: большая, рельефная, чужая и близкая. Марсель смотрел на кратеры и думал, что если бы можно было сбежать не в другой двор, а на другую планету, он, наверное, всё равно взял бы с собой эту девочку.

— Красиво? — спросила она.

— Страшно.

— Почему?

— Потому что близко. Всё красивое страшно, когда становится близко.

Александра посмотрела на него. Он редко говорил такие вещи. Обычно прятался за шуткой. И именно такие внезапные серьёзные фразы заставляли её верить ему больше.

Они сели на плед. Город шумел внизу. Некоторое время они молчали.

— Если я стану певицей, — сказала она, — ты будешь снимать мне клипы?

— Конечно.

— Даже если я стану вредной звездой?

— Особенно. Вредных звёзд надо снимать честно.

— А если ты станешь известным фотографом?

— Я?

— Да.

— Тогда я буду говорить всем, что начал карьеру с ранения и незаконного проникновения в искусство.

Она толкнула его плечом, но тут же испугалась, что задела рану.

— Больно?

— Нет.

— Врёшь.

— Немного. Но красиво.

Слова закончились сами. Он наклонился к ней. Поцелуй на крыше был уже не маскировкой, не спасением, не случайностью. Он был их первым настоящим выбором.

Внизу, у подъезда, остановилась неприметная машина. Двое мужчин в штатском вышли и посмотрели на окна. Один закурил. Другой позвонил кому-то и сказал:

— Похоже, он у неё.

Но на крыше этого не слышали. Там Луна висела над Москвой, и двое подростков думали, что у них впереди много времени.

Самые жестокие минуты жизни часто начинаются именно с такой ошибки.

В ту ночь Марсель ещё не знал, что именно этот вечер станет для него мерой всего последующего. В камерах, вагонах, промзоне, среди чужих голосов и серой одежды он будет снова и снова возвращаться к крыше. Не к самому поцелую даже, а к тому ощущению, что город под ними огромен, но не страшен, потому что рядом есть человек, который видит в тебе не беду, а возможность.

Александра тоже потом будет возвращаться туда. Уже после конкурсов, грима, камер и чужих аплодисментов она будет вспоминать, как Марсель держал её фотоаппарат. Неумело, осторожно, будто впервые понял: мир можно не только ломать поступком, но и сохранять взглядом.

На крыше они оба, сами того не понимая, дали друг другу профессию. Она — ему камеру. Он — ей веру в голос.

Глава восьмая. Арест

Утро было обманчиво мирным. Александра попросила Марселя сходить в магазин: хлеб, молоко, что-нибудь к чаю. Он согласился слишком быстро, потому что сам хотел доказать себе, что может выйти из квартиры и вернуться, будто всё стало обычным.

— Только быстро, — сказала она.

— Я молнией.

— Молнии обычно бьют в неприятности.

— Значит, я буду культурной молнией.

Он улыбнулся, взял деньги, накинул куртку. В дверях обернулся. Хотел сказать: «Если я не вернусь, знай, что я не хотел исчезнуть». Но фраза была слишком тяжёлой для такого утра.

— Саш.

— Что?

— Сырки какие брать?

— Любые. Только вернись.

В магазине он стоял у кассы с хлебом, молоком, сырками и шоколадкой, когда заметил в отражении витрины двух мужчин. Они не были похожи на случайных покупателей. Один смотрел слишком внимательно. Второй уже говорил что-то в рацию.

Марсель понял сразу.

Обыск был коротким. Пистолет нашли почти сразу. Пакет с хлебом упал на пол. Шоколадка выкатилась под прилавок.

— Это не моё, — сказал он автоматически и тут же усмехнулся.
— Хотя звучит тупо.

— Потом расскажешь.

Александра ждала сначала спокойно. Потом начала сердиться. Потом звонить. Телефон был выключен. Через час злость стала тревогой. Через два — паникой.

Марселя привезли на Петровку. Коридоры, металлические двери, запах старой краски, пота и табака. Следователь Иванов вошёл без спешки. Он был из тех людей, которые давно перестали удивляться чужим бедам, но ещё не до конца перестали их замечать.

— Кокс Марсель?

— Да.

— Семнадцать лет?

— Пока да.

Иванов поднял глаза.

— Пока?

— Завтра восемнадцать.

Допрос шёл долго. Когда речь зашла о двух убитых охранниках, он побледнел.

— Я стрелял в воздух. Они в меня. Потом... потом они упали.

Позже пришла экспертиза. Иванов читал заключение дважды. Охранники были убиты не из пистолета Марселя. Другая дистанция. Другой характер ранений. Профессиональная стрельба.

— Интересно, — сказал Иванов тихо.

— Что?

— Ты, Кокс, возможно, дурак. Но не убийца.

Радость не пришла. Пистолет всё равно был у него. Побег был. Страх был. А Александра не знала, где он.

— Мне надо ей позвонить.

— Кому?

— Саше.

— Тебе сейчас надо думать, как объяснить незаконное хранение оружия.

— Я без неё не смогу.

Иванов закрыл папку.

— Все сначала так говорят.

— Нет, — сказал Марсель. — Не все.

В ту ночь его оставили одного. Формальность была почти смешной: в бумагах он ещё числился несовершеннолетним, и система, равнодушная к человеческой боли, иногда с пугающей точностью уважала собственные графы и даты.

Когда Марселя вывели из магазина, он успел обернуться. На полу всё ещё лежала шоколадка для Александры. Продавщица смотрела на неё с раздражением, будто эта маленькая вещь мешала порядку кассовой зоны. Марсель вдруг почувствовал, что именно так и исчезают люди: не громко, не красиво, а оставив после себя нелепую покупку, чашку на столе, неотвеченный звонок.

В машине он пытался вспомнить номер Александры, хотя телефон у него уже забрали. Память от страха становилась дырявой. Он помнил её голос, запах волос, пальцы на камере, но цифры уплывали. Это пугало почти сильнее наручников: если он не удержит простое, как удержит главное?

На Петровке всё стало языком взрослых: протокол, понятия, изъяты, пояснить, подписать, ожидать. Марсель впервые почувствовал, что слова могут быть решёткой. Не железной, а бумажной. И эта бумажная решётка иногда держит крепче.

Глава девятая. День рождения вне воли

Первую ночь после задержания Марсель провёл один.

Не потому, что к нему проявили особую заботу. Просто в бумагах ему ещё оставалось несколько часов до совершеннолетия, и система, почти равнодушная ко всему человеческому, иногда неожиданно внимательно относилась к собственным формальностям.

Семнадцать лет.

Эта цифра стояла в протоколе рядом с его фамилией как последняя тонкая нитка, связывавшая его с прежней жизнью: с двором, с крышей, с камерой Александры, с её голосом, с тем мальчишкой, который ещё недавно мог шутить, спорить, краснеть от девичьего взгляда и думать, что взрослость начинается где-то потом.

Камера была маленькой. Зелёные стены с облупившейся краской, железная койка, стол, прикрученный к полу, мутное окно под потолком. За дверью иногда звякали ключи, проходили шаги, кто-то кашлял, кто-то коротко смеялся в коридоре, но всё это было не жизнью, а её глухим эхом.

Марсель сидел на койке и смотрел на свои руки.

Эти руки недавно держали камеру Александры. Потом — пистолет. Теперь они лежали на коленях и казались чужими. Он пытался вспомнить, каково это — держать её ладонь, и испугался: память уже начинала подменять тепло образом.

Он поднялся, прошёл два шага до стены, два шага обратно. Больше в этой комнате пройти было некуда.

— Вот и весь маршрут взрослой жизни, — сказал он в пустоту.

Никто не ответил.

Он попытался не думать о Саше, но это было невозможно. Чем меньше вокруг оставалось свободы, тем больше внутри становилось её присутствия. Её голос, волосы, рука на его плече, смешок, когда он говорил глупость. Её фраза на крыше:

— Если я стану певицей, ты будешь снимать мне клипы?

Он тогда ответил легко:

— Конечно.

Так отвечают люди, уверенные, что впереди есть время.

В полночь никто не вошёл. Не было торта, свечей, друзей, двора, гитары, крыши, поздравлений. Только где-то в коридоре скрипнула дверь, потом стихли шаги. Время не объявило себя. Оно просто перешло через невидимую линию, и мальчик, которого задержали вчера, стал взрослым человеком в камере.

Марсель сам понял, что дата изменилась.

Ему исполнилось восемнадцать.

— С днём рождения, Кокс, — сказал он.

Голос прозвучал хрипло и неуверенно.

Он сел на койку и вдруг представил, как это могло быть во дворе: дешёвая газировка, кто-то принёс бы торт, кто-то начал бы спорить, сколько свечей ставить, Алексей сыграл бы что-нибудь нарочито торжественное и сам же первый засмеялся бы. Александра, может быть, подарила бы ему фотографию с крыши — тот самый кадр, где они стоят немного неловко, но счастливо.

А здесь восемнадцать лет означали другое.

Теперь он становился взрослым не потому, что стал мудрее. А потому, что его можно было судить строже.

Утром его провели к Иванову. Следователь выглядел так, будто не спал уже несколько суток. На столе лежала папка, рядом остывал чай.

— Восемнадцать сегодня? — спросил Иванов, не поднимая глаз.

Марсель сел напротив.

— Поздравлять будете?

— Не умею.

— Заметно.

Иванов закрыл папку.

— До вчерашнего дня ты был несовершеннолетним задержанным. С сегодняшнего — взрослый обвиняемый с оружием. Разница не праздничная.

— Я могу ей позвонить?

— Кому?

— Александре.

Иванов посмотрел на него долго, как смотрят на человека, который просит не невозможного, а опасного.

— Пока нет.

— Она знает, что я не убивал?

— Думаю, узнает.

— Это не ответ.

— Здесь редко дают те ответы, которые нужны.

Вечером его перевели. Не в большую общую, а в небольшую камеру на двоих. Там уже сидел мужчина лет пятидесяти с седыми висками, сухим лицом и внимательными глазами. Он держал в руках старую книгу без обложки.

— Новенький?

Марсель поставил свёрток на койку.

— Сегодня уже взрослый.

Мужчина усмехнулся.

— Плохое место для дня рождения.

— Не я выбирал ресторан.

— Юмор есть. Значит, ещё не всё отняли.

— Вы кто?

— Ракитин. Когда-то был фотографом.

Слово ударило неожиданно.

— Фотографом?

— Да. Снимал людей, которые хотели казаться лучше, чем они есть. Потом жизнь решила снять меня без ретуши.

Ракитин внимательно посмотрел на него.

— А у тебя взгляд не уголовный.

— А какой?

— Кадровый. Ты не просто смотришь. Ты выбираешь, что запомнить.

Марсель отвернулся к стене. Он не хотел говорить, что больше всего на свете боится забыть лицо Александры.

Но Ракитин, кажется, понял и без слов.

Глава десятая. Ракитин

Ракитин умел молчать так, что рядом с ним не становилось неловко. После первой ночи с ним Марсель проснулся от того, что Ракитин сидел на койке и читал старую книгу без обложки.

— Что читаете?

— Теперь уже трудно сказать. Но внутри Ларошфуко.

— И тут он.

— А ты знаком?

— Немного. Помню, что наши добродетели часто бывают искусно переодетыми пороками.

Ракитин посмотрел на него с интересом.

— Хорошо. Для восемнадцати лет даже опасно хорошо. Если рано понять людей, можно перестать их любить.

— А я не хочу переставать.

— Кого?

— Одну девушку.

Ракитин не стал уточнять. Потом произнёс:

— Ларошфуко ещё писал, что разлука ослабляет слабую любовь и усиливает большую. Как ветер гасит свечу и раздувает пожар.

Эта фраза вошла в Марселя так точно, будто Ракитин достал её из той части его души, где жила Александра.

Вечером Ракитин взял карандаш и на обороте старого бланка набросал прямоугольник.

— Кадр — это не то, что попало в объектив. Кадр — это то, что ты решил оставить. Камера вторична. Плохой фотограф снимет

решётку, потому что она очевидна. Хороший снимет твою руку — по ней видно, держишься ты ещё или уже нет.

Марсель посмотрел на свои пальцы.

— И что видно?

— Пока держишься.

Если бы он мог снять свой день рождения, он снял бы не решётку, не стол, не папку Иванова и не собственное лицо. Он снял бы пустое место рядом с собой — место, где должна была быть Александра.

Ракитин не учил его фотографии как ремеслу. Не говорил о выдержке, диафрагме, объективах, композиционных правилах. Он говорил о другом — о том, что человек должен решить, зачем он смотрит.

— Большинство снимает, чтобы доказать, что они были рядом с событием, — сказал он однажды. — А хороший фотограф снимает, чтобы событие не соврало о себе.

— А люди?

— Люди врут чаще событий. Поэтому людей снимать труднее.

Марсель тогда подумал об Александре. Она почти не врала лицом. Даже когда старалась держаться, глаза всё равно выдавали правду. Может быть, поэтому он так боялся когда-нибудь её снимать: камера могла увидеть больше, чем он будет готов выдержать.

Глава одиннадцатая. Приговор

Суд оказался тише, чем Марсель ожидал. В бумагах он был не Марселем, а «Кокс М.», лицом, возрастом, обстоятельствами, действиями, статьёй.

Адвокат говорил правильно, но холодно. Прокурор говорил уверенно. Судья задавал вопросы. Марсель отвечал коротко.

— Я не знал, что оно настоящее.

Эта фраза прозвучала жалко, хотя была правдой.

— Я хотел напугать.

Ещё хуже.

— Я защищал женщину.

Кто-то в зале едва заметно усмехнулся.

Когда судья зачитывал решение, слова стали уходить в шум: срок, колония, возраст, смягчающие обстоятельства, незаконное хранение оружия.

После заседания Иванов остановил его у окна.

— Она знает, что ты не убийца.

Марсель замер.

— Она знает?

— Да.

Этого было мало. Ничтожно мало. Но в неволе даже капля становится водой.

В камеру он вернулся другим. Ракитин понял всё по лицу.

— Дали?

— Дали.

— Много?

— Достаточно, чтобы перестать считать лето.

— Она знает?

— Что я не убивал — да.

— Это важно.

Марсель лёг на койку.

— Не хочу, чтобы она ждала.

— Лжёшь. Ларошфуко сказал бы, что наше благородство часто любит выглядеть лучше, чем оно есть. Ты говоришь, что не хочешь, чтобы она ждала, потому что так красиво. А на самом деле хочешь.

Марсель отвернулся к стене.

— Хочу.

— Конечно, хочешь. Человек не железный. Даже если его возят в железе.

После приговора Марсель долго не мог понять, что именно чувствует. Страх было меньше, чем он ожидал. Злости тоже. Больше всего было пустоты. Словно внутри него освободили место, но не для свободы, а для долгого ожидания.

Вечером Ракитин спросил:

— Что самое страшное?

Марсель хотел сказать: зона. Срок. Этап. Но сказал другое:

— Что она привыкнет без меня.

Ракитин кивнул.

— Значит, любишь не себя в её глазах, а её жизнь.

— Это хорошо?

— Это больнее. Но честнее.

Марсель отвернулся к стене. До этого он думал, что хочет, чтобы Александра ждала. Теперь впервые понял: он хочет, чтобы она жила. И это желание не отменяло боли. Оно делало её взрослее.

Глава двенадцатая. Разбитое сердце

К вечеру Александра уже знала. Не официально, не из доброго взрослого объяснения, а обрывками: задержали, пистолет, Петровка, дело.

Мать приехала поздно.

— Он убийца? — спросила Александра.

Елена подошла к окну.

— Я была той женщиной у кинотеатра. Той, которую тащили охранники.

В комнате стало тихо. Елена рассказала не всё, но достаточно: ссора с Юрием, охрана, унижение, мальчишка с пистолетом, выстрелы в воздух, пуля в плечо, и два других выстрела — не его.

— Он не убивал?

— Я видела его лицо. Человек, который пришёл убивать, так не смотрит.

Следующие дни растянулись. Александра почти не ела. Спускалась во двор и долго стояла у теннисного стола. Алексей прятал взгляд.

Однажды она подошла к нему сама.

— Ты звонил?

— Я хотел как лучше.

— Ты хотел, чтобы он исчез. У тебя была ревность. И она оказалась опаснее его пистолета.

Вечером Елена открыла крышку пианино.

— Пой.

— Не могу.

— Тогда пой о том, что не можешь.

И Александра запела: об арке, о чужой крови на олимпийке, о поцелуе, который должен был быть обманом, о крыше, где Луна была слишком близко, и о человеке, который исчез, оставив после себя не пустоту, а голос. Так родилась первая песня Александры.

В первые дни Александра всё время слушала тишину квартиры. Ей казалось, что сейчас в прихожей щёлкнет замок, Марсель войдёт с пакетом, улыбнётся виновато и скажет какую-нибудь глупость про сырки. Она даже сердилась заранее, придумывала, что скажет ему, как отвернётся, как заставит объясняться.

Потом наступал вечер, дверь не открывалась, и злость снова превращалась в страх.

Когда появилась песня, Александра сначала испугалась её. Песня была слишком личной, почти неприличной в своей откровенности. Но именно поэтому она не могла её бросить. В чужих песнях она пряталась за голосом. В этой — голос прятаться отказался.

Глава тринадцатая. Конкурс

Песня рождалась не сразу. Сначала это были строки. Потом мелодия. Потом паузы. Потом одно слово, которое она повторяла несколько раз и каждый раз слышала иначе: двор.

Двор как место. Двор как память. Двор как рана. Двор как единственная страна, где они успели быть счастливы.

Когда песня была готова, Елена сказала:

— С этим надо идти на конкурс.

— Нет. Это его песня.

— Именно поэтому.

Конкурс молодых исполнителей проходил в небольшом зале. За кулисами пахло лаком для волос, пудрой, проводами, пылью и страхом.

Александра вышла на сцену. Первую строчку она спела тихо. Но зал почему-то не зашумел — будто наклонился к ней. Голос сначала дрожал, потом стал крепче. Перед ней был двор, теннисный стол, раненый Марсель, его улыбка, его глаза, когда он слушал её у пианино и сказал: «Когда человек поёт — и тебе хочется жить».

Когда песня закончилась, несколько секунд не было аплодисментов. Потом зал поднялся.

Позже ей сказали, что она выиграла. Первое место.

Но Александра слышала только одно: Марсель должен узнать.

Победа на конкурсе не сделала её счастливой. Она сделала невозможное чуть более реальным. Если люди в зале слышали песню, значит, может быть, однажды услышит и он. Александра держалась за эту мысль почти суеверно. Ей не нужны были

поздравления, цветы, слова о будущем. Ей нужен был один слушатель, которого не было в зале.

Уже дома она положила диплом на пианино и долго смотрела на него. Потом убрала в ящик. На виду оставила тетрадь с песней. Победа была бумагой. Песня — дорогой.

Глава четырнадцатая. Фотограф

После конкурса к Александре подошёл человек с фотоаппаратом.

Он не был похож на тех фотографов, которые суетятся у сцены, ловят неудачные ракурсы и сразу спрашивают, где отметка в соцсетях. Этот мужчина держался спокойно. Лет сорок, тёмная рубашка, усталое лицо, внимательный взгляд. Он не спешил говорить, будто сначала хотел убедиться, что перед ним не просто участница конкурса, а история.

— Александра Демидова? — спросил он.

— Да.

— Артём Серов. Я снимал конкурс для журнала и партнёров канала. Можно сделать несколько портретов? Не постановочных. Просто сейчас.

— Зачем?

Он улыбнулся.

— Потому что через час вы снова начнёте держать лицо. А сейчас вы настоящая.

Эта фраза почему-то напомнила ей Марсея. Он тоже умел говорить слишком прямо, только без профессиональной осторожности.

Артём сделал несколько кадров в коридоре у старой стены. Александра стояла с микрофоном в руке, потом без микрофона, потом у окна. Он не просил её улыбаться. Не говорил “подбородок выше”, “плечо сюда”, “глаза в камеру”. Он только смотрел.

— У вас песня не конкурсная, — сказал он наконец.

— Это плохо?

— Нет. Это редкость. Конкурсные песни часто хотят победить. Ваша песня хотела кого-то найти.

Александра не ответила.

Артём опустил камеру.

— Простите. Я, возможно, лезу не туда.

— Нет, — сказала она тихо. — Вы правы.

Он показал ей один из только что сделанных кадров на экране камеры. На снимке она стояла у окна. Лицо было бледным, глаза — слишком взрослыми, в руке — сжатый микрофон. В кадре не было красоты. Но была правда.

— Видите? — спросил он. — Вам не надо изображать драму. Она уже есть. Её надо не испортить.

Через несколько дней Артём позвонил.

— У меня есть приглашение на премию МУЗ-ТВ. Два места за столиком в первых рядах.

Александра не сразу поняла.

— Мне зачем?

— Посмотреть.

— На что?

— На мир, в который может попасть ваша песня.

Елена Александровна, услышав разговор, насторожилась.

— Артём, вы хотите ввести её в тусовку?

— Нет, — спокойно ответил он. — Я хочу, чтобы она увидела сцену до того, как сцена начнёт требовать от неё маску.

Александра молчала. МУЗ-ТВ звучало слишком большим для её комнаты, для её тетради, для той первой песни, которую она писала

почти шёпотом. Это было не просто название канала. Это был свет, грим, камеры, известные лица, артисты, ведущие, люди, которых она раньше видела только по телевизору.

— Я не готова, — сказала она.

Артём ответил не сразу.

— Никто не готов, когда начинается настоящее. Но иногда надо сначала увидеть дверь, чтобы понять, хочешь ли ты через неё пройти.

Глава пятнадцатая. Первая премия

На премию Александра пришла как зритель.

И это оказалось странно страшнее, чем выступать. Когда ты артист, у тебя есть задача: выйти, спеть, уйти. Когда ты зритель, ты просто сидишь и смотришь на чужой блестящий мир, в котором все как будто знают, куда идти, кому улыбаться, когда вставать, когда хлопать и как держать бокал, чтобы рука не дрожала.

Артём посадил её за столик ближе к сцене. Рядом была Елена Александровна. Она старалась выглядеть спокойно, но Александра видела, как мать внимательно оценивает каждого, кто подходит слишком близко.

Вокруг было слишком много света. Камеры двигались между столиками. Артисты обнимались, смеялись, кто-то поправлял платье, кто-то говорил в микрофон, кто-то уже выглядел победителем, хотя ещё ничего не объявили. Пахло духами, гримом, дорогими тканями, техникой и усталостью людей, которые умеют красиво устать.

Александра смотрела на сцену и чувствовала, как внутри поднимается одновременно страх и желание.

Ей казалось, она попала в зал, где взрослые люди научились делать мечту профессиональной. Здесь даже случайный жест выглядел отрепетированным. Даже смех имел правильный ракурс. Даже слёзы, если они случались, попадали в свет.

— Смотрите не на блеск, — наклонился к ней Артём. — Смотрите на паузы. Кто умеет держать тишину перед словом, тот и держит зал.

Она стала смотреть иначе.

Ведущие шутили. Зал смеялся. Камеры брали крупные планы. Музыка начиналась резко, свет менялся мгновенно, лица артистов становились то близкими, то недостижимыми.

И вдруг Александра поняла: сцена не про громкость.

Сцена — про право быть услышанной.

В перерыве Артём подошёл к ней и кивнул в сторону мужчины в тёмном костюме. Тот стоял у края зала, разговаривал с кем-то из организаторов и одновременно смотрел на сцену так, будто видел не выступление, а схему будущего эфира.

— Пойдёмте, — сказал Артём. — Сейчас хороший момент.

— Куда?

— Познакомлю с Виктором Андреевичем. Он директор музыкального направления канала.

Александра почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Нет, я не готова.

— Вы уже это говорили.

— И я всё ещё не готова.

— Значит, самое время.

Виктор Андреевич оказался человеком без лишней сентиментальности. Он говорил быстро, слушал внимательно и почти не улыбался. В его взгляде была привычка за несколько секунд понимать, есть ли в человеке материал для сцены.

— Это Александра Демидова, — сказал Артём. — Та самая песня с конкурса.

— Запись есть? — спросил Виктор Андреевич.

Артём уже держал телефон наготове.

Они отошли в более тихий угол у коридора. Виктор Андреевич надел один наушник. Сначала слушал стоя, явно собираясь уделить минуту из вежливости. Потом перестал смотреть по сторонам. Потом взял второй наушник.

Александра стояла рядом и чувствовала, как каждая секунда становится длиннее. Ей хотелось исчезнуть и одновременно хотелось, чтобы он дослушал до конца. Она сама ещё не понимала, что это и есть начало профессиональной жизни: когда твоя боль уже не только твоя, и чужой человек решает, выдержит ли она свет.

Когда запись закончилась, он снял наушники.

— Песня не телевизионная, — сказал он.

Александра опустила глаза.

— Это плохо?

— Нет. Это значит, что её нельзя превращать в обычный номер. Если сделать неправильно, будет фальшь. Если сделать правильно — может выстрелить.

Артём сразу подхватил:

— Её надо снимать. Не как глянец. Не машины, не танцы, не стеклянная студия. Двор, крыша, пустой теннисный стол, девушка у окна. История человека, который исчез, но остался в голосе.

Виктор Андреевич посмотрел на Артёма, потом на Александру.

— Клип?

— Да, — сказал Артём. — Именно клип.

Александра почувствовала, как ей стало трудно дышать.

— Я не хочу делать из этого шоу.

Виктор Андреевич ответил неожиданно мягче:

— Хороший клип не делает из боли цирк. Он даёт ей форму.

Слово “форма” опять прозвучало рядом с её песней. Сначала Артём, теперь он. Как будто люди, умеющие смотреть, знали один тайный язык.

— А если получится? — спросила Елена.

Виктор Андреевич посмотрел в сторону сцены, где как раз объявляли очередную номинацию.

— Если получится, в следующем году эту песню надо будет заявлять на премию.

Александра почти не поняла.

— На эту премию?

— Да.

— Но я же сейчас здесь просто за столиком.

— Сегодня — да, — сказал он. — А через год зритель должен увидеть вас на сцене.

Александра посмотрела на сцену. Там сиял свет, играла музыка, кто-то получал награду и улыбался в камеру. Всё это казалось чужим. Слишком ярким. Слишком далёким.

Но где-то глубоко внутри она вдруг услышала голос Марсея:

— Ты обязательно добьёшься славы, если продолжишь петь.

Она тогда не поверила ему до конца. А теперь чужой взрослый человек, директор канала, говорил почти то же самое, только другими словами.

— Я не знаю, смогу ли, — сказала она.

Артём ответил:

— Вот это и надо снять.

Глава шестнадцатая. Клип

После той премии решение о клипе уже не выглядело внезапным.

Оно зрело несколько недель — в разговорах, в портретах Артёма, в молчании Александры, в коротких звонках Виктора Андреевича, который не любил долго объяснять очевидное, но неожиданно внимательно относился к деталям.

— Клип нужен простой, — повторял он. — Если сделать дорого, убьём песню. Ей не нужны декорации. Ей нужна правда.

Сценарий обсуждали в маленькой монтажной, где пахло кофе, пылью, проводами и усталостью. На столе лежали распечатки кадров: двор, арка, крыша, окно, пустой теннисный стол. Александра сидела на краю дивана и чувствовала себя так, будто её жизнь разложили на сцены.

— Я не хочу, чтобы всё выглядело придуманным, — сказала она.

— Тогда не врите в кадре, — ответил Виктор Андреевич.

— Как?

— Не играйте певицу. Будьте человеком, который поёт, потому что иначе не может.

Съёмки начались с двора.

Артём настоял, чтобы часть кадров снимали у Котельнической. Елена сначала была против: слишком больно. Юрий резко возражал: слишком опасно, слишком много лишних глаз, слишком много старой истории. Но Александра сказала:

— Если убрать двор, песня станет чужой.

И они вернулись.

Теннисный стол стоял на месте. Кольцо, лавочки, арка, подъезд. Всё было почти как тогда. Почти — потому что Марсея не было.

Александра стояла у арки в светлом пальто, а камера медленно отъезжала назад. Артём не просил её плакать. Она и не плакала. Просто смотрела туда, откуда когда-то вбежал раненый мальчишка.

— Не смотри в камеру, — сказал Артём. — Смотри так, будто сейчас он появится.

Она посмотрела. И вся группа на несколько секунд замолчала.

Потом снимали теннисный стол. На нём не было ни крови, ни награды, ни чужих рук. Только зелёная поверхность, потёртая временем, и свет, ложащийся на неё так, будто стол был не предметом, а свидетелем.

— Поставим олимпийку? — спросил ассистент.

— Нет, — резко сказала Александра.

Артём поднял руку, останавливая вопрос.

— Не надо. Личный предмет сильнее, когда его не тычут зрителю в лицо.

Позже снимали крышу. Вечером, когда город зажёгся, Александра стояла у ограждения и пела под фонограмму. Ветер трепал волосы. Внизу блестела Москва-река. На мгновение ей показалось, что если повернуться достаточно быстро, она увидит Марсея с камерой в руках.

Но за камерой стоял Артём.

— Хорошо, — сказал он после дубля. — Только в следующем не ищи его глазами. Ты уже знаешь, что его нет. От этого больнее.

В последнем кадре клипа она сидела у пианино в квартире. На крышке лежала старая олимпийка. Она не попадала в кадр

полностью — только край ткани, почти незаметный. Но для Александры это был главный предмет.

Когда монтаж закончили, они смотрели клип в тёмной комнате.

Виктор Андреевич молчал до самого конца. На финальном кадре, где Александра у окна произносила последнюю строку почти беззвучно, он остановил воспроизведение.

— Вот это оставляем.

— Там же она почти не поёт, — сказал ассистент.

— Именно.

Александра сидела в темноте и не могла понять, хорошо ли получилось. Она не видела клип как зритель. Она видела в нём только свои раны: арку, стол, крышу, пустое место рядом.

Виктор Андреевич повернулся к ней.

— Теперь работаем на следующий год.

— На премию?

После выхода клипа время пошло странно. Снаружи всё ускорилося: звонки, репетиции, съёмки, интервью, первые осторожные ротации. Внутри Александры всё оставалось медленным. Она каждое утро просыпалась не артисткой, а девушкой, которая всё ещё проверяет телефон, хотя давно знает: нужного звонка не будет.

Клип начали обсуждать. Одни хвалили честность. Другие называли его слишком мрачным. Кто-то спрашивал, правда ли там её двор. Кто-то пытался угадать, кому посвящена песня. Александра быстро поняла: публичность любит чужую боль, но редко умеет быть с ней аккуратной.

Артём однажды сказал:

— Привыкай. Когда история становится клипом, она перестаёт принадлежать только тебе.

— А если я не хочу отдавать?

— Тогда держи внутри то, что нельзя снять. Камера забирает форму, но смысл ты можешь оставить себе.

— На песню, — сказал он. — Если песня останется живой, премия сама станет следствием.

Глава семнадцатая. Этап

Перед этапом вещи становятся удивительно маленькими. Вся жизнь вдруг помещается в свёрток: пара белья, кружка, ложка, бумажки, чужая книга без обложки, которую Ракитин оставил ему.

— Возьми. Ларошфуко.

— Вам она нужнее.

— Мне нужнее, чтобы ты не стал идиотом.

Автозак ждал у ворот. Москва снова пошла мимо решётчатого окна. Остановка, женщина с пакетом, мальчишка на самокате, аптека, человек с цветами.

Свобода — это не только уйти куда хочешь. Свобода — это купить хлеб и вернуться. Позвонить. Опоздать. Сфотографировать закат. Не знать, что завтра может быть хуже.

Потом был вокзал, потом столыпинский вагон: купе-клетки, решётки, полки, лязг, команды. Поезд тронулся ночью, и стук колёс стал новым языком.

Ночью ему приснилась арка. В конце коридора была арка, а за ней двор. Александра стояла у стола.

— Ты меня слышишь? — спросил он.

Она кивнула.

— Тогда дождись.

Она улыбнулась так, будто ответ уже был дан.

Глава восемнадцатая. Зона

Колония встретила его не криком, а воротами, построением, проверкой, списками, короткими командами и лицами людей, для которых прибытие нового этапа было не событием, а частью дня.

Марсель быстро понял: зона — это биом. Здесь были свои хищники, свои травоядные, свои паразиты, свои старые деревья и свои ядовитые слова.

На промзону Марселя вывели через несколько дней. Цех был серым и шумным. Швейные машинки стучали, ткань лежала стопками, куртки, штаны, халаты и костюмы уходили на склад.

Сначала Марсель таскал рулоны ткани. Потом сортировал готовое. Он работал молча, но глаза жили отдельно. Он замечал, как вещь меняется от того, как она лежит. Как одна куртка, расправленная по плечам, кажется почти приличной, а другая, брошенная комом, выглядит как тряпка.

Однажды он поймал себя на том, что мысленно фотографирует: белый фон, ровный свет, куртка в полный рост, крупно — карман, крупно — молния, описание.

— Чего лыбишься? — спросил парень рядом.

— Да так. Куртку продаю.

— Кому?

— Пока себе в голове.

Мысль уже появилась. И это было главное.

Глава девятнадцатая. Медчасть

В тот день подлива в столовой пахла странно. Не совсем испорченно, но с кислым оттенком. Голод победил осторожность. Через час живот скрутило так, что Марсель едва удержался на ногах.

К вечеру плохо было уже не ему одному. По зоне пошёл слух: что-то было с поддонами в столовой. То ли плохо промыли, то ли еда постояла где не надо, то ли продукты были уже на грани.

Марселя отвели в медчасть ночью. На соседней койке сидел Вася Бриллиант, завернувшись в одеяло.

— А ты тут откуда?

— Давление. Возраст, нервы, отсутствие драгоценных камней.

С другой стороны лежал худой человек с острыми глазами.

— Хамелеон, — представил Вася. — Меняет цвет быстрее, чем начальство меняет объяснения.

Ночь двигалась медленно. И вдруг разговор свернул туда, куда обычно не сворачивают после отравления.

— Ларошфуко сказал бы, что наша стойкость чаще происходит от тщеславия, чем от мужества, — произнёс Вася.

— Ты правда читал Ларошфуко? — спросил Хамелеон у Марселя.

— Читал. Уже восемнадцать. Спасибо Петровке за праздник.

Хамелеон признался: он не хочет выйти отсюда пустым. Хочет навык, дело, понимание того, за что на свободе платят.

— Это не порок, — сказал Марсель. — Это инстинкт выживания.

Хамелеон рассказал идею: промзона шьёт спецодежду, но продаёт её плохо. Нужен каталог, фото на белом фоне, нормальные

описания, интернет-витрина, учебный проект, легально через администрацию.

Потом написал на листе:

СпецПромФорма

— Интернет-магазин. Производство спецодежды, рабочей формы и униформы.

Марсель взял другой лист.

— А наше? То, что будет делать фото, тексты, сайт, рекламу.

Вася спросил:

— Она тебе снится?

— Да.

— И ты хочешь верить, что тоже ей снишься?

— Хочу.

Вася написал:

Сон через стены

— Вот это наше. Рекламное агентство. “СпецПромФорма” будет продавать рабочую одежду. А “Сон через стены” будет доказывать, что даже отсюда можно создавать свет.

Глава двадцатая. Первый план

Утром медчасть выглядела хуже, чем ночью. Но название осталось: «Сон через стены».

Вернувшись на промзону, они начали действовать осторожно. Хамелеон выяснял, кто подписывает отчёты, кому нужны показатели, кто любит слова “социальная адаптация”, “обучение”, “повышение реализации продукции”.

— Любая система открывается не ломом, а правильным словом, — говорил он.

Вася расправил на столе рабочую куртку.

— У вещи тоже есть достоинство. Если снять её как тряпку, она будет тряпкой. Если снять как вещь для человека, она станет вещью для человека.

— Нужен белый фон, — сказал Марсель.

— Нужен свет, — добавил Вася.

Хамелеон достал лист. На нём был список, от которого Семёныч даже присвистнул: два ноутбука, роутер для интернета, рабочий телефон, фотоаппарат, студийные вспышки, стойки, белый фон, контролируемый доступ к электронным каталогам.

Начальник колонии сначала не поверил. Хамелеон говорил почти час: заказы, отчёты, трудовая адаптация, контролируемый доступ, повышение реализации продукции, обучение осуждённых профессиям, которые пригодятся после освобождения.

— Интернет в колонии? — спросил начальник.

— Под контролем.

— Телефон?

— Рабочий, у ответственного.

— Ноутбуки?

— Без них нельзя делать каталог, карточки, дизайн и учёт.

— Вспышки?

— Чтобы товар выглядел как товар, а не как вещдок.

Начальник долго молчал.

— Ты понимаешь, какой это риск?

— Понимаю. Но если риск контролируемый, он может стать результатом.

Потом он посмотрел на Марсея.

— Это ты фотограф?

— Учусь.

— А ты? — кивнул он Васе.

— Форма, визуал, эскизы.

— А ты, значит, коммерсант?

— Менеджер по возможностям, — сказал Хамелеон.

Начальник усмехнулся.

— Один тестовый период. Под мою ответственность не чудите. Если хоть один решит, что это лазейка, я закрою всё так быстро, что вы пожалеете, что знали слово “роутер”.

Когда технику внесли на промзону, люди смотрели так, будто в цех завезли кусок другого мира: два ноутбука, роутер, рабочий телефон, фотоаппарат, вспышки, белый фон.

— Начните с десяти карточек, — буркнул Семёныч. — Не магазин, не свобода, не космос. Десять карточек товара.

Но все трое уже знали: космос начался.

Глава двадцать первая. Первый провал

Десять карточек товара оказались труднее, чем Хамелеон думал.

— Нельзя писать «идеальная», если она не идеальная, — говорил Марсель.

— А что писать?

— Что она рабочая.

— Это скучно.

— Зато правда. Враньё продаётся один раз. Потом возвращают.

Карточки сначала приняли осторожно, потом вернули с припиской: «Доработать. Обосновать необходимость».

— Нас послали, — сказал Хамелеон.

— Нас остановили, — ответил Вася. — Разница огромная. Авраам Линкольн говорил: меня волнует не то, что ты потерпел неудачу, а то, доволен ли ты своей неудачей.

— Это точно Линкольн?

— Если не точно, значит, он должен был это сказать.

Вася продолжил:

— Неудача — лучший путь к успеху, если человек не устраивается в ней жить. Провал — это не стена. Это чертёж стены.

Марсель посмотрел на пометку. Слова стали задачей.

— Надо не просить фотоаппарат. Надо показать, что без фото они теряют заказы.

— Форма докажет идею, — сказал Вася.

— А идея докажет необходимость, — подхватил Хамелеон.

Глава двадцать вторая. Идея, форма и свет

После первого провала Марсель понял: идея мало что значит, если ты не умеешь провести её через чужой страх.

Он написал на листе: фотография, видео, клипы, реклама, сценарии, песни, тексты, сайты, продвижение.

Хамелеон перевернул лист и сверху крупно написал:

Менеджер по рекламе

— В основе любого творчества лежит идея. Не камера, не дорогой свет, не шрифт, не костюм, не модель, не монтаж. Идея. Если идеи нет, всё остальное — декорация пустоты.

Вася добавил:

— Идея сама по себе ещё не бриллиант. Идея — это камень. Форма решает, увидят ли в нём свет. Простую идею можно подать так, что она станет гениальной. А гениальную можно испортить плохой формой.

— Я говорю: идея, — сказал Хамелеон. — Вася говорит: форма. А ты, Кокс, должен научиться соединять.

— Чем?

— Чувством, — сказал Вася.

— Взглядом, — сказал Хамелеон.

Марсель записал:

Главное — идея. Форма делает идею видимой. Кадр должен говорить правду.

И ниже:

СОН ЧЕРЕЗ СТЕНЫ: идея. форма. свет.

Глава двадцать третья. Лучшая песня о любви

Год между первым визитом на премию и её собственным выходом оказался длиннее, чем Александра думала.

Она училась быть артисткой и каждый день сопротивлялась тому, чтобы стать только образом. Её учили выходить к камере, говорить с журналистами, держать паузу, улыбаться, когда устала, не отвечать на лишнее, отвечать на нужное, выбирать слова, в которых есть смысл, но нет опасности.

Песня разошлась не сразу.

Сначала её крутили осторожно. Потом чаще. Потом клип начали обсуждать: кто эта девушка, почему такая взрослая песня, чей двор, о ком она поёт, почему в кадре нет счастливого финала. Одни называли её открытием. Другие говорили, что это слишком мрачно для юной певицы. Третьи спорили, настоящая ли история.

Александра почти не читала обсуждения.

Она знала, что история настоящая. Остальное было шумом.

Иногда она просыпалась ночью и думала: что, если песня стала жить отдельно и увела у неё Марселя? Что, если тысячи людей будут слушать её как красивую драму, а она одна будет помнить, что за каждой строчкой стоит конкретный человек, конкретный двор, конкретная кровь на ткани?

Когда пришла новость о номинации, она долго смотрела на экран телефона.

Лучшая песня о любви.

Она перечитала несколько раз.

Любовь.

В телевизионных формулировках это слово часто становилось блестящим, удобным, почти пустым. Но её песня была не про красивую любовь. Она была про кровь на олимпийке, про пустой двор, про человека, которого забрали, про сны, через которые она пыталась удержать его лицо.

— Они правда думают, что это песня о любви? — спросила она у Артёма.

— А о чём же ещё?

— О потере.

— Потеря иногда и доказывает, что это была любовь.

В день премии она уже знала этот мир. Свет, камеры, ведущие, столики, шум, улыбки, журналисты. Но знание не избавляло от страха. Просто страх стал взрослее.

Виктор Андреевич появился за несколько минут до выхода.

— Помни, — сказал он. — Не играй победу. Пой песню.

— А если я не выиграю?

— Тогда всё равно пой песню.

Но она выиграла.

Когда объявили: “Лучшая песня о любви”, зал стал громким, а свет — почти белым. Её имя прозвучало так, будто принадлежало не ей, а кому-то другой, уже состоявшейся, сильной, готовой.

Александра поднялась.

В руках у неё была награда. Тяжёлая, холодная, почти чужая. Она на секунду сжала её так, будто это была не статуэтка, а рука человека, который должен был стоять рядом.

Все ждали речи.

Она посмотрела в зал. Потом — в камеру.

И вдруг поняла: если Марсель когда-нибудь увидит это, он должен услышать не благодарности спонсорам и не правильные слова. Он должен услышать знак.

— Спасибо всем, кто поверил в эту песню, — сказала она. — Она родилась из истории, которую я не смогла забыть. Иногда человек исчезает из твоей жизни, но остаётся в голосе. И если он где-то слышит меня сейчас... пусть знает: я пою.

Виктор Андреевич за кулисами закрыл глаза.

— Слишком лично, — пробормотал он.

Артём рядом тихо ответил:

— Зато правда.

И именно этот момент потом покажут в повторе.

Именно этот взгляд в камеру.

Именно эту фразу.

Этот год изменил её не внешне, а способом молчать. Раньше она молчала от растерянности. Теперь — чтобы не сказать лишнего людям, которые всё могли превратить в заголовок. Она научилась улыбаться фотографам, но не отдавать им глаза полностью. Научилась отвечать на вопрос “о ком песня?” так, чтобы не предать Марсея и не соврать себе.

Иногда ей казалось, что чем ближе сцена, тем дальше двор. Но стоило закрыть глаза, она снова видела зелёный теннисный стол, арку, раненое плечо и лицо человека, который поверил в её голос раньше всех. Поэтому премия не была для неё финалом. Она была письмом, написанным светом.

Глава двадцать четвёртая. Экран

Старый телевизор в комнате отдыха хрипел и показывал премию МУЗ-ТВ с задержкой.

Обычно Марсель не садился смотреть: чужая свобода на экране раздражала сильнее, чем её отсутствие. Люди там ходили куда хотели, ели что хотели, смеялись без оглядки, открывали двери без конвоя. Даже плохие передачи казались издевательством.

В тот вечер телевизор включили громче обычного.

— МУЗ-ТВ, — сказал кто-то. — Премия. Сейчас будут певцы, платья и вся эта красивая жизнь.

Марсель сначала не обратил внимания. Он сидел у стены с листом бумаги и перечитывал свой план обучения: идея, форма, свет, текст, фото, ролик, реклама. Хамелеон спорил с кем-то о том, почему слово “износостойкий” лучше, чем “крепкий”. Вася рисовал новый знак “Сна через стены”: арка, через которую проходила тонкая линия света.

На экране мелькали артисты, ведущие, сцена, огни, улыбки. Всё яркое, гладкое, далёкое. Другой мир. Почти неприличный в своей лёгкости.

И вдруг ведущий произнёс:

— В номинации “Лучшая песня о любви”...

Марсель поднял голову не сразу. Сначала просто что-то изменилось внутри. Как будто сердце услышало раньше ушей.

На экране пошли фрагменты клипов. Один кадр — двор. Арка. Пустой теннисный стол. Девушка у окна.

Марсель встал.

— Тише, — сказал он.

Никто не услышал.

— Тише! — повторил он резче.

Кто-то обернулся.

— Ты чего?

На экране появилась Александра.

Не девочка с крыши. Не растерянная Саша из квартиры с картиной Руссо. Не та, что снимала с себя олимпийку во дворе и говорила: “Надень быстро”. На экране стояла взрослая, собранная, почти спокойная певица в красивом платье, под белым светом, с микрофоном в руке.

Но Марсель знал этот взгляд.

Так она смотрела перед тем, как сделать то, чего боялась.

Ведущий открыл конверт. Пауза длилась невыносимо долго.

— Александра Демидова. “Двор”.

Комната отдыха будто исчезла.

Кто-то присвистнул. Кто-то сказал что-то про красивую девочку. Но Семёныч, сидевший у окна, коротко бросил:

— Молча.

И все почему-то послушались.

Александра поднялась на сцену. Камера взяла её крупно. В руках у неё была награда. Она держала её двумя руками, не как вещь, которой хвастаются, а как предмет, который слишком тяжёл для одного человека.

Марсель смотрел на экран и почти не дышал.

Она получила премию. За песню о любви.

И только он, кажется, знал, что эта любовь начиналась не с цветов и не с красивого признания, а с крови на рукаве, пистолета, арки, чужого страха и поцелуя, который сначала был маскировкой.

Александра подошла к микрофону.

— Спасибо всем, кто поверил в эту песню, — сказала она. — Она родилась из истории, которую я не смогла забыть. Иногда человек исчезает из твоей жизни, но остаётся в голосе. И если он где-то слышит меня сейчас... пусть знает: я пою.

Марсель опустился на лавку.

Он слышал.

Не через сон. Не через память. Не через чужие пересказы. Через старый хрипящий телевизор в зоне, среди роб, табачного запаха и людей, которые ещё минуту назад ждали просто красивую передачу.

Он слышал её.

Хамелеон осторожно спросил:

— Это она?

Марсель кивнул.

— Она.

Вася посмотрел на экран, потом на Марселя.

— Разлука, значит, не погасила.

Марсель не ответил.

Внутри него было слишком много всего: гордость, боль, нежность, страх, зависть к людям в зале, благодарность за то, что она жива и поёт, отчаяние от того, что он не рядом. Но сильнее всего было другое чувство.

Не отстать.

Она там, в свете, выросла, спела, победила, вынесла их двор на сцену. А он здесь не имел права превратиться только в срок. Не имел права выйти к ней пустым, сломанным, злым, готовым всю жизнь оправдываться тем, что с ним случилось.

Он должен был стать кем-то.

В тот вечер Марсель снова взял лист с планом и переписал его начисто.

Сон через стены. План.

Ниже добавил:

Чтобы выйти не пустым. Чтобы однажды снять её честно.

После выступления в комнате отдыха ещё долго шумели. Кто-то обсуждал платье, кто-то спорил о музыке, кто-то просил переключить канал. Для Марселя всё это звучало издали. Он сидел с листом на коленях и понимал: если раньше он хотел выжить, чтобы вернуться к ней, то теперь должен стать человеком, к которому можно вернуться.

Вася сел рядом.

— Не делай из неё икону, — сказал он.

— Я и не делаю.

— Делаешь. Осторожно, но делаешь. Иконам поклоняются издали. А тебе надо однажды стоять рядом с живым человеком.

Марсель посмотрел на экран, где уже шла реклама.

— А если она уже не та?

— Конечно, не та. И ты не тот. Вопрос не в том, можно ли вернуть прошлое. Вопрос в том, есть ли у вас будущее, если вы перестанете требовать от прошлого невозможного.

Глава двадцать пятая. Не Марсель

После премии её долго не отпускали. Но внутри неё уже не было сцены. В голове звучала только одна мысль: Марсель должен узнать.

Она попросила водителя ехать на Котельническую.

Машина остановилась у высотки. Александра вышла в вечернем платье, с наградой в руках, и пошла через арку.

Двор встретил её летним воздухом: лавочки, деревья, баскетбольное кольцо, зелёный теннисный стол. И вдруг раздался стук мяча.

На баскетбольной площадке у одного кольца играл мужчина. Один. В тёмной спортивной кофте, быстрый, сухой, с резкими движениями. Свет фонаря падал так, что лицо его было не видно. Но спина, поворот плеча, упрямая манера двигаться — всё на секунду стало Марселем.

И Александра побежала.

— Марсель! У меня получилось! Слышишь? У меня получилось!

Мужчина медленно обернулся.

Это был не Марсель.

Похожий — да. Издали, в движении, в свете фонаря, в той жестокой милости воображения, которое дорисовывает любимое лицо на чужой фигуре. Но не он.

— Девушка... вы меня с кем-то перепутали?

Александра остановилась. Радость ещё не успела уйти с её лица, и потому боль выглядела особенно страшно.

— Простите.

Она отошла к теннисному столу. Поставила награду на зелёную поверхность. Металл тихо стукнул о стол.

— У меня получилось, Марсель, — сказала она уже тише. — Правда получилось. Только тебя здесь нет.

И впервые за долгое время она позволила себе заплакать не как артистка и не как победительница, а просто как Саша из двора.

Глава двадцать шестая. Белый фон

Первый день со студийным светом оказался почти смешным.

Белый фон, который они так торжественно ждали, сначала не хотел становиться белым. Он заворачивался, падал со стойки и чуть не уронил Хамелеона, который заявил, что дизайнерская среда настроена против коммерции.

— Это не среда, — сказал Вася. — Это твои руки.

Когда вспышки поставили, когда фон натянули, когда первая рабочая куртка оказалась в центре маленькой студии, Марсель вдруг замолчал.

Он стоял с фотоаппаратом в руках и чувствовал, как все годы, вся Петровка, вся зона сводятся в один странный момент. Перед ним была не Александра. Не клип. Не сцена. Просто куртка спецодежды. Но именно с неё начиналась его дорога обратно.

— Свет слева мягче, — сказал Вася.

— Справа тень грязная, — добавил Хамелеон неожиданно точно.

Первый кадр вышел плоским. Второй — лучше, но карман потерялся. На третьем Вася поправил плечо изделия. Хамелеон держал отражатель из белого пластика, который торжественно называл “коммерческой луной”.

Марсель нажал кнопку.

На экране куртка выглядела не как роба и не как складская тряпка. Она выглядела как вещь, сделанная для человека. Видна была ткань, линия плеча, карман, застёжка, плотность. Вещь получила достоинство.

— Вот, — сказал Вася. — Теперь она дышит.

За день они сняли десять изделий. Фотографии показали мастеру, потом начальнику. Те долго смотрели на экран ноутбука.

— Это наша продукция? — спросил один.

— А чья? — не удержался Хамелеон.

Через неделю первые карточки с фотографиями ушли во внешний каталог. Через две недели пришёл запрос от фирмы, которой нужна была партия рабочей одежды.

Хамелеон ходил по цеху так, будто выиграл тендер на строительство Кремля.

— Господа, у нас появился клиент.

— Пока запрос, — поправил Вася.

Марсель смотрел на распечатанную карточку. Внизу стояло: СпецПромФорма. А в маленьком уголке: подготовлено группой “Сон через стены”.

Для него эти слова были больше забора.

После первой удачной съёмки Марсель ещё долго не мог отпустить камеру из рук. Ему казалось, что если сейчас её заберут, исчезнет не техника, а доказательство: он способен не только разрушать, но и создавать. Способен сделать вещь видимой. Способен управлять светом, а не только бежать от темноты.

В тот вечер он записал в тетрадь: “Белый фон — это не пустота. Это место, где вещь впервые говорит сама за себя”. Хамелеон прочитал и сказал, что для рекламщика слишком поэтично. Вася ответил: “Для рекламщика как раз нормально. Плохой рекламщик видит фон. Хороший видит тишину вокруг смысла”.

Глава двадцать седьмая. Удалёнка

Через полгода слово “удалёнка” перестало звучать как шутка. Сначала они делали материалы для “СпецПромФормы”. Потом один внешний клиент попросил поправить описание товара для своего сайта. Потом — сделать карточки для другой продукции. Потом — написать короткий текст для рекламного объявления.

Всё проходило через разрешения, проверки и посредников, но деньги приходили. Маленькие, аккуратные, официальные.

— Легально, — говорил Хамелеон каждый раз с наслаждением.

Марсель писал сценарии коротких рекламных роликов для спецодежды. Он учился думать не только кадром, но и последовательностью. Пробовал писать песни. Не для Александры — для себя. Иногда получались строки, похожие на признание.

Вася учил его форме.

— Сценарий — это тоже кольцо. Если где-то перекося, человек чувствует, даже если не понимает.

Хамелеон учил его идее.

— Не начинай с камеры. Начинай с вопроса: зачем это смотреть?

Однажды Хамелеон сказал:

— Кокс, когда выйдешь, не иди сразу к ней. Нельзя приходить к человеку только с любовью. Прийти надо собой. Человеком, который не только страдал, но и вырос.

Вася кивнул.

— Любовь не должна быть костылём. Лучше пусть будет светом.

Марсель написал ночью:

Я выйду не к ней. Я выйду к себе, чтобы потом дойти до неё.

Вася прочитал и вернул.

— Ты перестал путать встречу с спасением.

Удалённая работа меняла их незаметно. Сначала они радовались каждому заказу как чуду. Потом начали спорить о сроках, стиле, клиентах, правках, оплате. Слово “проект” стало будничным. И именно в этой будничности было главное чудо: то, что родилось в медчасти после отравления, перестало быть фантазией.

Марсель всё чаще думал о том, что зона учит странной дисциплине. На свободе он, возможно, бросал бы одно дело ради другого, увлекался, отвлекался, спорил. Здесь же каждый час работы был добыт. Каждая страница, каждый текст, каждый кадр имели цену. И потому он учился жадно, без каприза.

Глава двадцать восьмая. Освобождение

Они освободились не в один день. Сначала вышел Вася, потом Хамелеон, потом Марсель.

Утро было холодным и слишком ярким. Ворота открылись без торжества. Свобода сначала не обрадовала. Она ударила. Воздух был слишком большим. Дорога — слишком открытой. Люди двигались без команд, без построения, без режима.

Через месяц “Сон через стены” арендовал маленький офис. Два стола, белая стена, дешёвый свет, ноутбуки, чайник, провода, коробки с образцами ткани. Но для них это был двор без забора.

“СпецПромФорма” росла. Сначала как интернет-магазин спецодежды. Потом как производство с партнёрами. Потом как направление, где они научились делать упаковку, лендинги, ролики, каталоги, съёмки для других компаний.

Марсель снимал всё: куртки, инструменты, людей в цехах, склады, водителей, деловые портреты. Потом его позвали снять светское мероприятие. Потом клип. Потом backstage модного показа.

Деньги пришли не сразу. Потом быстрее. Потом неожиданно много. Они разбогатели не сказочно, но ощутимо.

И всё же, когда Марсель попытался дойти до Александры, оказалось, что между ними выросла новая стена. Не тюремная. Светская.

У ворот Марсель понял, что свобода не похожа на победу.

Она была слишком громкой и слишком большой. Машины ехали без расписания, люди говорили по телефонам, кто-то смеялся, кто-то ругался, кто-то нёс кофе в бумажном стакане. Мир не остановился ради его возвращения. И это почему-то было обидно и прекрасно одновременно.

Первый день на свободе он почти не говорил. Хамелеон пытался шутить, Вася молча поставил перед ним чай, а Марсель всё смотрел на окно без решётки. Несколько раз он ловил себя на мысли, что ждёт команды. Потом злился на себя. Потом снова ждал.

Вечером он взял камеру. Не дорогую, рабочую, с потертым ремнём. Просто подержал. И впервые за долгое время почувствовал не страх, а вес будущего.

Глава двадцать девятая. Закрытые двери

Александра была везде: на афишах, в интервью, в клипах, в новостях, журналах, на экранах. Её голос стал узнаваемым. Её лицо — спокойным и профессиональным.

Марсель попытался попасть на её концерт честно — через аккредитацию. Ему отказали. Через знакомого фотографа — его внесли в список, потом вычеркнули. Через деньги — отказали сухо: “Площадка не нуждается в дополнительном фотографе”.

Тогда он услышал о Романе Вольском.

Он не был мужем и не был официальным продюсером, но вокруг Александры выстроил такую плотную систему заботы, что забота стала похожа на охрану. Он владел площадками, дружил с директорами, контролировал контракты, решал вопросы с прессой.

Марсель понял: это опаснее обычного ревнивца. Ревнивец кричит. Собственник с властью улыбается и меняет список аккредитации.

Александр говорили, что Марсель ещё в заключении или далеко, что он просил не искать, что ему больно, что он не хочет вспоминать. Марсель говорили, что она не хочет видеть людей из прошлого.

— Его надо обойти, — сказал Хамелеон.

— Я не хочу войну.

— Он уже ведёт войну. Просто без объявления.

Вася сказал другое:

— Не ломись туда, где тебя ждут у двери. Ищи место, где дверь не успеют закрыть.

Самым унижительным было не то, что его не пускали. Самым унижительным было то, что это делали вежливо. Никто не кричал, никто не хватал за ворот, никто не говорил прямо: “Тебя вычеркнули”. Ему улыбались, проверяли список, разводили руками, обещали уточнить, исчезали на пять минут и возвращались с гладким лицом.

— К сожалению, вас нет в аккредитации.

— Но вчера был.

— Возможно, произошла замена.

— Кем?

— У нас нет такой информации.

После третьей попытки Марсель понял: новая тюрьма умеет говорить языком администраторов. У неё нет решёток. У неё есть списки, бейджи, охрана, “регламент площадки” и человек, который никогда не отдаёт приказов вслух.

Роман Вольский был опасен именно этим. Он не выглядел злодеем. Он выглядел человеком, который всё делает “ради неё”. А такие люди иногда строят самые крепкие клетки.

Глава тридцатая. Хамелеон теряет цвет

Хамелеон добился почти всего, о чём говорил в медчасти: деньги, костюмы, часы, связи, офис, переговоры, уважение людей, которые раньше не открыли бы ему дверь. “Сон через стены” во многом вырос на его наглости.

Но чем выше они поднимались, тем чаще Марсель замечал: Хамелеон смеётся громче и спит хуже.

Вася однажды сказал:

— Он цвет потерял.

— В смысле?

— Раньше он менял цвет, чтобы выжить. Теперь меняет, потому что не помнит свой.

Хамелеон не умел быть один. Деньги дали ему женщин, но не любовь. Связи дали внимание, но не тепло.

— Я всю жизнь умел нравиться, — сказал он Марселю. — А быть любимым не научился.

Потом пришло отчаяние. Тихое, почти деловое. Хамелеон исчез на три дня, вернулся слишком спокойным и сказал:

— Я уеду в Испанию.

— Отдыхать?

Хамелеон посмотрел в окно.

— Заканчивать.

Позже они нашли переписку, переводы, странные медицинские формулировки. Хамелеон связался с людьми, которые обещали “цивилизованную эвтаназию” за границей: красиво, законно, без боли, с уважением к выбору. На их сайтах смерть выглядела почти как услуга премиум-класса.

Но Вася уже давно следил за ним.

После освобождения Вася открыл в центре Москвы охранное и детективное агентство “Чистое лицо”: проверка репутации, частные расследования, защита клиентов, сопровождение сложных переговоров. Его ювелирный глаз оказался полезен не только для камней: он видел фальшивую огранку в людях.

— Почему ты сразу не остановил? — спросил Марсель.

Вася ответил жёстче, чем обычно:

— Потому что это не просто мошенники. Это канал. Из России вывозят отчаявшихся людей, обещают им “достойный уход”, а потом исчезают документы, тела, лица. Органы, ткани, даже лица — на это появился спрос. Если бы я сорвал всё на первом сообщении, мы поймали бы приманку. Мне нужна была сеть.

Хамелеон тем временем был уже в Барселоне.

И там судьба вернула ему не смерть, а любовь.

Грету он знал давно. Когда-то, ещё до зоны, они переписывались ВКонтакте. Испанка, похожая на Джей Ло: тёмные волосы, яркая улыбка, глаза человека, который умеет смеяться даже после плохого дня. Их переписка была лёгкой, почти случайной: музыка, фотографии, обещания “когда-нибудь увидеться”.

В Барселоне он встретил её у маленького кафе.

— Ты? — сказала она по-русски с мягким акцентом.

— Грета?

Она рассмеялась и обняла его так просто, будто между их последней перепиской и этим днём не было ни зоны, ни денег, ни отчаяния.

Любовь началась не как буря. Как возвращение цвета.

Через два дня Хамелеон решил отказаться от “контракта”. Но люди, называвшие себя посредниками эвтаназии, не собирались ничего расторгать.

— Услуга оплачена, — сказал мужчина в сером костюме.

— Я передумал.

— Вы не понимаете. Вы уже в системе.

Системой были не врачи и не милосердие. Системой были люди, которые превращали отчаяние в товар. Хамелеона попытались забрать силой: машина, двое мужчин, укол, который он успел выбить только наполовину.

В тот момент появился Вася.

Не как герой из кино, а как человек, давно просчитавший маршрут. Его люди в Барселоне уже следили за машиной. Испанская полиция, частная охрана, записи, документы, русские номера, переписки — всё сложилось в ловушку.

Хамелеон очнулся в больнице. Рядом сидела Грета. У двери стоял Вася.

— Мошенники? — спросил Хамелеон.

— Не просто мошенники. Организованная сеть. Тебя хотели не усыпить, а разобрать.

— Даже лицо?

Вася помолчал.

— Даже лицо.

Хамелеон тихо засмеялся страшным смехом.

— Всю жизнь менял лица. В итоге моё чуть не продали.

Грета взяла его за руку.

— Теперь не менять. Теперь жить.

Вернувшись в Москву, Хамелеон стал другим не сразу. Но что-то в нём остановилось.

— Я думал, стены снаружи, — сказал он Марселю. — А они внутри. Если человек сам себя сдаёт мошенникам, значит, он уже давно подписал договор с пустотой.

Вася сказал:

— Неудача — лучший путь к успеху, если ты не сделал из неё дом.

— Линкольн опять?

— Сегодня Бриллиант.

С этого дня Хамелеон перестал менять цвет так быстро. Не потому что стал идеальным. А потому что впервые начал искать настоящий.

Глава тридцать первая. Fashion TV

На премию Fashion TV в отеле Ritz Марсель попал случайно. По крайней мере, так ему казалось.

К тому времени он уже много снимал светские мероприятия: платья, вспышки, пресс-воллы, бокалы, улыбки, лица, которые привыкли поворачиваться к камере правильной стороной. Иногда он вспоминал себя у «Иллюзиона»: семнадцатилетнего, в спортивной куртке, чуть в стороне от чужой роскоши. Теперь он был внутри, с бейджем на груди и камерой в руках.

В тот вечер Ritz сиял: мрамор, золото, зеркала, ковры, запах дорогих духов, каблуки, охрана, второй этаж, фотозона.

Марсель снимал автоматически. Потом в коридоре стало тише — не совсем, но изменилась плотность внимания. Так бывает, когда входит человек, вокруг которого уже создана история.

Александра шла к фотозоне.

Он узнал её не лицом даже. Сначала движением. Потом паузой перед шагом. Потом взглядом, который стал взрослее, сильнее, осторожнее, но не перестал быть её взглядом.

— Марсель, готовься, — сказал ассистент. — Сейчас Александра Демидова.

Камера была в руках. Свет выставлен. Он должен был сделать то, что умел лучше всего.

Но палец не слушался.

В видеоискателе была не певица Александра Демидова. Там была Саша: двор, олимпийка, кровь на рукаве, крыша, пианино, Луна, голос через стены.

Александра повернула голову и увидела его. Улыбка исчезла не сразу. Она стала другой — не светской, а настоящей, испуганной, невозможной.

Роман Вольский сделал шаг, но она уже повернулась к директору мероприятия.

— Попросите, пожалуйста, чтобы меня снял вот этот фотограф.

— У нас работают все фотографы...

— Я хочу, чтобы снимал он.

Марсель поднял камеру. Первый кадр вышел плохим. На третьем он наконец увидел не свою боль, а её лицо.

После серии она сказала громче:

— Здесь слишком шумно. Можно пару кадров у лифта?

У лифта было тише. Двери были зеркальными, и в них Марсель увидел их обоих сразу: её — в вечернем платье, себя — с камерой, чуть бледного, словно он снова стоял в коридоре Петровки.

— Снимай, — сказала Александра.

Он сделал несколько кадров у зеркальной панели. Лифт открылся.

— Внутри тоже красиво, — сказала она так, будто говорила только о свете. — Снимем пару кадров?

Он понял, что это не приглашение. Не ещё. Это был способ уйти от глаз.

Внутри лифта было зеркало — бесконечное, опасное, честное. Оно отражало их рядом так близко, как они не были рядом с крыши на Котельнической.

Марсель сделал кадр: Александра в отражении, он с камерой чуть позади, между ними тонкая линия света. Потом ещё: её рука на поручне, взгляд вниз, профиль, тень улыбки, которой не было.

Лифт тронулся.

— На какой этаж? — спросил он.

— Мой. Там коридор красивый. И тише.

Он нажал кнопку не глядя.

Роман Вольский остался внизу.

Позже Марсель будет думать, что если бы утром увидел афишу, если бы знал список гостей, если бы хоть на минуту предположил, что Александра будет там, он, возможно, отказался бы. Или наоборот — готовился бы весь день и всё испортил бы ожиданием.

Но он не знал.

Поэтому встреча случилась честно. Без плана, без красивой подготовки, без репетиции фраз. Он пришёл как фотограф на обычную работу и встретил человека, ради которого когда-то начал учиться видеть.

Глава тридцать вторая. Номер

Коридор этажа был тихим, с мягким ковром, который гасил шаги. После шума премии эта тишина казалась почти неправдоподобной. За дверями номеров жили чужие вечера, чужие разговоры, чужая роскошь. Здесь уже не было пресс-волла, но ещё была съёмка. Формально.

Александра остановилась у окна в конце коридора.

— Здесь?

— Да.

Он поднял камеру. Свет из окна и тёплые лампы смешивались странно, но красиво. Она стояла боком, её отражение уходило в стекло, а город лежал внизу, как сверкающая карта всех дорог, по которым они слишком долго не могли друг к другу дойти.

Он сделал несколько кадров.

— Ты вышел, — сказала она.

Не спросила. Утвердила.

— Давно.

— Мне говорили, что ты ещё там.

— Мне делали так, чтобы я не мог до тебя дойти.

Камера щёлкнула. Он снимал, потому что если бы не снимал, подошёл бы слишком быстро.

— Я после премии ездила во двор, — сказала она. — С наградой. Видела мужчину у кольца. Он был похож на тебя. Я побежала к нему и кричала: “Марсель, у меня получилось”. А это был не ты.

Марсель опустил камеру. Он представил её в вечернем платье у теннисного стола, награду на зелёной поверхности, ночной двор, чужого мужчину с мячом.

— Я видел тебя на экране, — сказал он. — В зоне. Старый телевизор, плохой звук. Кто-то шумел. А потом ты появилась. Я думал, что не выдержу.

— Почему ты не пришёл потом?

— Приходил. Пытался. Аккредитации, концерты, служебные входы. Меня не пускали.

Александра побледнела.

— Роман.

— Я не знал, как его зовут сначала.

— Он говорил, что защищает меня.

— Он защищал дверь.

Она долго молчала. Потом подошла к двери своего номера и открыла её.

— Внутри можно продолжить. Там свет от окна лучше.

Голос был ровным, почти профессиональным. Но Марсель уже слышал в нём дрожь.

В номере было большое окно на Москву. На столе стояли вода, цветы, подарочные пакеты, папка с программой премии. Всё выглядело как жизнь человека, у которого всё получилось.

Но Александра сняла туфли у двери так устало, что Марсель сразу увидел: получилось не всё.

Он поднял камеру.

— Встань у окна.

Она послушалась. Формально съёмка продолжалась. Он сделал несколько кадров: силуэт на фоне города, профиль, отражение в стекле, рука на шторе. С каждым щелчком затвора говорить становилось чуть легче.

— Я видела тебя во сне.

— Я тоже.

— Часто?

— Почти каждую ночь.

Она тихо рассмеялась, но смех сразу сломался.

— Значит, я не сходила с ума.

— Если сходила, то не одна.

— Мне говорили, что ты не хочешь вспоминать. Что ты просил тебя не искать. Что тебе больно. Что я должна идти дальше.

— А ты?

— Я шла. Но не дальше. По кругу.

— А “Сон через стены”? — спросила она.

— Откуда ты знаешь?

— Видела название. Рекламное агентство. Потом поняла, что это ты. Слишком твоё.

— Это было про тебя. Про то, что ты мне снилась. И я хотел верить, что тоже тебе снюсь.

Александра подошла совсем близко.

— Снился.

Он обнял её осторожно. Она сначала замерла, потом прижалась к нему так сильно, будто хотела убедиться, что между ними больше нет решётки.

— Я дождалась.

— Я дошёл.

— Долго.

— Я знаю.

Их поцелуй был не таким, как первый во дворе. Тогда поцелуй спасал. Не таким, как на крыше. Тогда он обещал. Этот был другим. В нём были годы, которые они не прожили вместе, и всё же почему-то не потеряли.

Камера лежала на столе. Москва светилась за окном.

В эту ночь между ними не было ни арки, ни решётки, ни сцены, ни охраны, ни чужой воли. Был только город. И два человека, которые слишком долго шли друг к другу, чтобы снова назвать это случайностью.